



ДРЕВНЕЕ
ИСКУССТВО
НАРОДОВ
ПРИКАМЬЯ

ПЕРМСКИЙ
ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ





ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1976



Владимир ОБОРИН

ДРЕВНЕЕ
ИСКУССТВО
НАРОДОВ
ПРИКАМЬЯ

ПЕРМСКИЙ
ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ

7C1
O21

© Пермское книжное издательство. 1976.

О 80102—29 60—76
М 152(03)—76

«Звериный стиль... представляется интереснейшей культурной чертой Восточной Европы, а также прилегающих к ней более северных областей Азии... Среди разнообразных звериных стилей особое и видное место занимает пермский звериный стиль, распространенный в эпоху железного века в некоторых областях северо-востока европейской части СССР...»

А. В. Ш м и д т. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля

Лобастая голова «хозяина тайги» — медведя, лежащая на могучих когтистых лапах... Орел, терзающий беспомощно распластанное тело поверженного им зверька... Медленно плывущий лебедь с грациозно изогнутой шеей... Стройная фигура фантастического существа с головой лося и человеческим телом, стоящая на спине ящера с разинутой пастью...

В небольшом слитке металла безвестный мастер с удивительным лаконизмом и впечатляющей силой обобщения создал художественные образы, сила воздействия которых так велика, что его творению мог бы позавидовать любой скульптор нашего времени. Далекие предки наши хранили произведения своих талантливых современников, передавали их из поколения в поколение, иногда укладывали в могилы умерших сородичей, прятали в кладах, чаще всего держали в своих святилищах.

Давно ушли из жизни древние мастера. Пронеслись века, тысячелетия. Прекрасные творения далекого прошлого сохранила земля, из которой они вновь появляются на свет, извлеченные лопатой археолога или вымытые весенними водами. И в наши дни они по праву занимают достойное место во всенародной сокровищнице искусства и бережно сохраняются потомками.

Замечательные создания первобытных художников и скульпторов дороги нам не только как памятники древнего искусства, прекрасные сами по себе, без скидок на время их изготовления. Внимательное изучение их помогает проникнуть в духовную жизнь наших предков, понять, как

они воспринимали окружающий их мир и пытались воздействовать на него.

Сюжеты и образы древнего искусства и манера исполнения в значительной степени определялись воздействием окружающей природы и были связаны с производственной деятельностью первобытного человека. С далекой древности прикамские леса богаты зверем и птицей, а реки — рыбой. Охота и рыбная ловля долгое время являлись основными способами добычи пищи. Первобытные охотники и рыболовы хорошо знали повадки зверей, птиц и рыб и особенности их строения и научились изображать их, выделяя главное, замечая в то же время мельчайшие существенные детали. С развитием скотоводства в сюжеты памятников искусства вошли изображения домашних животных, а с развитием земледелия — изображения злаков.

Самые древние произведения искусства выполнены из дерева, кости, камня с помощью каменных орудий или природных красок. Позднее появилась глиняная скульптура и орнамент на глиняной посуде.

В начале II тысячелетия до н. э., то есть более 3500 лет назад, в Прикамье сложился значительный местный очаг металлургии. Металлургия меди и бронзы развивалась и позднее — в эпоху железа, когда железные орудия постепенно вытесняли медные и бронзовые, а цветной металл стал использоваться для изготовления бытовых вещей, предметов культа и украшений. Высокий уровень металлургии Прикамья создал условия для широкого развития металлической скульптуры. Памятников этого вида искусства дошло до нас большое количество, чему немало способствовала и относительно большая прочность, а значит, и лучшая сохранность металлических изделий по сравнению с изделиями из дерева, кости и глины.

Искусство металлической скульптуры Прикамья достигло своего расцвета в середине и второй половине I тысячелетия н. э. Мастера-литейщики применяли разнообразные приемы: плоское и объемное литье в жестких формах (каменных, глиняных, костяных и, может быть, деревянных), выпуклую чеканку, напайку, гравировку поверхности, уникальные отливки по восковым моделям.

Самым распространенным приемом было литье в жестких формах. Оно требовало исключительной точности и мастерства. Вероятно, рисунок предварительно наносился контуром на поверхность заготовки, а затем

простым ножом вырезалось само изображение. Особенности твердого материала формы требовали лаконичности и законченности композиции, выразительности основных черт, формирующих художественный образ, четких завершенных линий.

Различные виды искусства, как установлено искусствоведами, развивались у разных народов неодинаково. Так, например, в период зарождения художественного творчества у первобытных людей древнекаменного века в центральной части Европы и прилегающих районах современной территории СССР преобладающее развитие получила мелкая каменная и костяная скульптура. В южных частях Европы и на Урале в это же время была распространена монументальная пещерная живопись.

Неравномерно развивались отдельные виды искусства и на относительно ограниченных территориях в разные периоды времени. Как мы уже сказали, у древнейшего населения Урала в палеолитическую эпоху наиболее совершенным видом искусства была пещерная живопись Южного Урала. В эпоху неолита наибольшую художественную ценность представляли собой замечательные произведения деревянной скульптуры лесного Зауралья, а в железном веке — предметы металлической скульптуры так называемого пермского звериного стиля Верхнего Прикамья. Глиняная и каменная скульптура не получила здесь значительного развития.

Пермский звериный стиль уходит корнями в глубокую древность. Этот стиль со всей определенностью можно назвать пермским, так как сложился он на пермской земле, почти все предметы металлической скульптуры этого стиля обнаружены в пределах Верхнего Прикамья — на территории бывшей Перми Великой русских летописей.

Древние традиции звериного стиля до сих пор живы в народном искусстве Прикамья.

Чем же объяснить, что звериные мотивы долго сохранялись и преобладали в искусстве Прикамья, что они сохранялись и тогда, когда родовой строй уже разлагался и охота постепенно уступала свою роль в хозяйстве земледелию и скотоводству? Очевидно, тем, что в северных лесных районах Прикамья, где найдены почти все предметы звериного стиля, роль охоты была весьма значительна и в эпоху железа, о чем говорит

большое количество находок охотничьих орудий и костей диких животных в археологических памятниках этого времени.

В условиях относительной изоляции в северных районах Прикамья древние родовые коллективы дольше сохраняли свое единство и старые религиозные верования, связанные с почитанием зверей и птиц. Мы знаем немало примеров, когда звериные мотивы играли большую роль в искусстве народов с уже сложившимся классовым обществом, но сохранивших пережитки древних первобытных верований, например у скифов и в Древнем Египте.

В сюжетах пермского звериного стиля нашли отображение не только дикие, но и домашние животные, причем можно проследить, как постепенно изображения диких животных вытесняются изображениями домашних, что косвенно отражает изменения в хозяйстве.

В искусстве древнего Прикамья орнаментальные мотивы не достигли высокой степени художественности, и на протяжении длительного времени орнамент оставался довольно однообразным. Объясняется это тем, что наивысшее развитие орнамент получает обычно у развитых земледельческих народов. Он отражает их сложную космогоническую мифологию (представления о небе и небесных светилах). Лучшие образцы орнаментального искусства на территории СССР мы находим у трипольских племен Украины, у древних земледельцев Средней Азии и Кавказа.

У прикамских племен земледелие, особенно в форме пашенного, возобладавало над остальными отраслями хозяйства относительно поздно — незадолго до прихода русского населения. В орнаменте Прикамья большое значение имели опять-таки звериные мотивы, схематическое изображение леса и водной стихии, и лишь постепенно стали распространяться солнечные знаки — стилизованные изображения солнца и других небесных светил.

На развитие древнего искусства влияли изменения в общественном строе местных племен. Разложение родового строя и связанное с ним усиление роли военной организации общества, частые столкновения между родами и племенами вызвали появление в сюжетах памятников искусства сцен борьбы, в частности сцен борьбы между животными. Сильный отпечаток на сюжеты наложили религиозные представления первобытного человека. Большая часть прикамской металлической скульптуры относится к предметам культового назначения: это медные идолы — божики. Ре-

лигиозные верования отразились и в сюжетах изображений на некоторых предметах быта. Однако произведения прикамской металлической скульптуры реалистичны в своей основе, художественные образы, воплощенные в ней, являются творческой переработкой предметов окружающей действительности в сознании художника. Они обладают большой силой эстетического воздействия.

Влияли на развитие древнего искусства и культурные связи с соседними и далекими племенами и народами. В сюжеты вошли отдельные образы, заимствованные из памятников искусства, полученных путем торговли, или навеянные впечатлениями от знакомства с новой географической средой во время путешествий — военных или торговых экспедиций. Возможно также, что некоторые сюжеты проникали от соседей и при расширявшихся межплеменных браках. Заимствованные сюжеты были творчески переработаны и сплетены с местными настолько, что иногда трудно определить их прототипы. Отдельные заимствования, широко распространенные в родственной этнической среде, прижились и получили дальнейшее развитие у прикамских племен, так что произведения, созданные в результате заимствований, можно считать местными.

Создания древних мастеров вдохновляют художников нашего времени, вызывают к жизни новые произведения искусства.

Лучшие творения наших предков являются предметом нашей гордости и требуют законного уважения и почитания.

Искусство возникло в первобытном обществе не тогда, когда человек выделился из животного мира, а на той ступени развития, когда он овладел довольно высокой техникой изготовления каменных орудий, накопил опыт в коллективной охоте, когда у него развилось абстрактное мышление, позволившее создавать отвлеченные художественные образы.

В процессе трудовой деятельности совершенствовались органы чувств человека, он осваивал формы, цвета и линии окружающей его обстановки. От пассивного восприятия человек перешел к воспроизведению познаваемого им мира в конкретных художественных образах. Зародилось и развилось эстетическое чувство, чувство красоты и гармонии, появилось стремление изображать явления и события, украшать предметы.

Первые произведения искусства создал человек современного физического типа. Это произошло около 25—30 тысяч лет назад: время определено на ряде европейских стоянок наиболее точным радиоуглеродным методом*. До работ советских археологов самые древние памятники искусства на Урале не были известны. Раскопки стоянки имени Талицкого на реке Чусовой и открытие А. В. Рюминым и О. Н. Бадером палеолитической живописи Каповой пещеры в Башкирии показали, что Урал не был исключением среди других районов нашей страны. На стоянке имени Талицкого найдено ребро мамонта с незатейливым линейным и угловым орнаментом. В верхнем этаже Каповой пещеры обнаружены силуэтные изображения семи мамонтов, двух диких лошадей и двух шерстистых носорогов, сделанные красной охрой на стенах пещеры**.

Художнику удалось передать силу и мощь величаво выступающих мамонтов и некоторую тяжеловесность мирно пасущейся дикой лошади. Силуэты нанесены красной краской, сливающейся с поверхностью скалы. Человек раньше всего выделил красный цвет из многообразной цветовой гаммы, как цвет, доставлявший ему наибольшее удовольствие, — цвет солнца и огня, цвет свежей крови жертвы.

В расположении фигур на стенах пещеры отсутствуют еще признаки определенной композиции. Животные изображены друг над другом в разных частях пещеры. По стилю изображения мамонта — в спокойном движении, с характерным горбатым профилем спины, со слабо намеченными короткими бивнями или вовсе без них — рисунки Каповой пещеры больше всего похожи на гравированные на кости изображения этого животного на предметах из палеолитических стоянок Восточной Сибири. Лаконизм — одна из главных черт стиля первобытных художников Урала.

Изображение зверей не было случайным в самых ранних произведениях первобытного искусства. Зверь олицетворял пищу и одежду, единство первобытного коллектива с окружающей природой.

К эпохе мезолита (XII—V тысячелетия до н. э.) относятся геометрически стилизованные рисунки нижнего этажа Каповой пещеры, трудно

* А. А. Формозов. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966.

** О. Н. Бадер. Каповая пещера. М., 1965.

поддающиеся расшифровке. По сходству с рисунками в пещерах южной части Западной Европы они рассматриваются некоторыми исследователями как изображения наземных жилищ. К этому же времени можно отнести силуэтные фигурки людей, изображенные у входа в Идрисову пещеру на реке Юрюзани. Сравнительно недавно Г. М. Буров нашел на Северном Урале в Висском торфянике обломки деревянной лыжи со скульптурным изображением головы лося и еще одну лыжу с гравированным орнаментом. Радиоуглеродным методом определено, что они относятся к VI тысячелетию до н. э.

Расцвет искусства каменного века на Урале приходится на период неолита (V—III тысячелетия до н. э.). В эпоху неолита развиваются различные виды искусства — наскальная живопись, деревянная, каменная, глиняная и костяная скульптура, орнамент.

Первобытные художники стремятся к реалистической стилизации — к простоте формы, сохраняющей жизненную правдивость и органическую связь с предметом, к обобщенности образа.

В живописи заметны попытки передать движение, хотя в целом силуэтное изображение остается статичным, стремление к повествовательности и композиции. Орнамент в это время имеет охранительное значение — он должен оберегать пищу в сосудах, или обитателей жилища, или владельцев одежды от действия злых сил. Штрихи, дуги, линии, точки передают представление о деталях (шерсть зверя, перья птицы, ребра рыбы и т. д.), по которым посвященный может узнать целое.

К эпохе неолита относятся найденные в Горбуновском и Шигирском торфяниках Зауралья замечательные по своей выразительности сосуды и ложки в виде лебедя, утки, гуся и болотной курочки, деревянные жертвенные фигурки лося, прорезной черпак, украшенный головой лося, ручки сосудов с головой медведя, изображение змеи и человекоподобные колообразные идола с грубой проработкой лица в двух плоскостях.

Часть этих находок относится к предметам культа, другая часть (ложки, черпак, фигура посадной утки) имеет чисто бытовое назначение. Древний художник воплотил свои наблюдения над животными и птицами в сжатых зрительных образах, отбросив все второстепенное. Он сумел передать в изгибе шеи, посадке и форме головы и клюва, в пропорциях тела характерные черты оригинала, не впадая в натурализм.

К неолиту и к эпохе бронзы (II тысячелетие до н. э.) относятся так называемые фигурные кремни — миниатюрные плоские каменные скульптурки, выполненные отжимной техникой на кремневых отщепах и пластинках и использовавшиеся в качестве амулетов *. В Прикамье они найдены на стоянке у д. Верхняя Курья близ устья Чусовой, на стоянке Камский бор II около Оханска и в других местах. В поселениях этого времени в Зауралье встречаются изображения головы лося из рога и роговые молоты с изображением головы животного.

На стоянке Боровое озеро II эпохи бронзы найдены глиняные фигурки животных, а на стоянке Бор III — глиняный сосуд, в узор орнамента которого искусно вплетены изображения водоплавающей птицы и лося, нанесенные широким зубчатым штампом. Глиняные сосуды с изображениями птиц найдены на многих стоянках восточного склона Урала, на Северном Урале (стоянка Вис II). Наряду с преобладающими изображениями водоплавающих птиц и лосей изредка встречаются сильно стилизованные фигуры человека.

Значительное развитие в эпоху неолита получает орнамент на глиняной посуде, изобретенной в то время, и на бересте, о чем можно судить по орнаментированным кускам берестяной кровли жилища на стоянке Полуденка около Нижнего Тагила.

В орнаменте особенно часты простейшие геометрические узоры (зигзаги, струйки, линии, «елочка», решетка, треугольники и ромбы), в которые иногда вплетаются стилизованные звериные мотивы или схематические изображения сети, в связи с развитием сетевого рыболовства, струйчатые волнистые линии, изображающие водную стихию.

В неолите и в эпоху бронзы дальнейшее развитие получает наскальная живопись. Реалистические силуэтные изображения животных и человека встречаются на обоих склонах Уральских гор **. В Прикамье к числу лучших памятников подобного рода относятся неолитические рисунки Писаного камня на реке Вишере ***. В группировке этих изображений уже

* С. Н. Замятин. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-востока Европы. — «Советская археология». Вып. 10. М. — Л., 1948.

** В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала. Вып. 1. М., 1964.

*** В. Ф. Генинг. Наскальные изображения Писаного камня на реке Вишере. — «Советская археология». Вып. 21. М., 1954.

видны зачатки композиции, несколько отдельных рисунков объединены одной темой (охота на медведя, ловля рыбы закомом).

В эпоху бронзы в наскальных рисунках Писаного камня, очень похожих на неолитические, заметно усиливается схематизм, фигуры животных и человека выполнены сухо и небрежно. Изображение человека на идолах Горбуновского торфяника становится более расчлененным по форме, с четко очерченной головой и ногами, овально углубленным лицом и резко выступающим носом. В орнаментации глиняной посуды появляются отпечатки шнура, что, очевидно, косвенно связано с развитием плетения и ткачества из растительных волокон и шерсти. На глиняных сосудах и костяных вещах встречаются сильно стилизованные изображения рыболовных снастей и ловли рыбы закомом. Орнаментом украшаются и металлические изделия: орудия труда и бытовые вещи.

Преобладание изображений животных, птиц и рыб в искусстве каменного и бронзового веков объясняется тем, что охота и рыболовство в лесной полосе Урала были основными отраслями хозяйства. Главными видами древнейших форм религии были тотемизм — поклонение животным, от которых вели свое происхождение первобытные коллективы или отдельные люди, и магия (колдовство), в обрядах которой священные животные также играли значительную роль. Изображения человека встречаются гораздо реже. Это, очевидно, связано с тем, что человек еще сильно зависел от природы и от своего родового коллектива и не выделял себя из окружающей среды. Культ человеческих предков начинает развиваться позднее тотемизма и магии.

В раннем железном веке, к которому в Прикамье относится ананьинская культура (VIII—III вв. до н. э.), в искусстве первобытного общества происходят изменения.

В наскальной живописи чаще попадаются изображения человека или человекоптицы. Повторяются они и на металлических культовых предметах. Изображение человекоптицы, очевидно, связано с представлением о способности души — вымышленного двойника человека — превращаться в птицу и улетать в неведомый мир. Наряду с силуэтными рисунками появляются контурные.

Орнамент на глиняной посуде, костяных, металлических и каменных предметах становится более разнообразным. Однако теперь он, как правило, покрывает не весь сосуд, как в неолите, и не большую часть его,

как в эпоху бронзы, а только верхнюю часть около горла. В узоры орнамента на посуде, кроме шнурового, входят отпечатки различных мелких гребенчатых, гладких и изредка фигурных штампов. Изображения животных в орнаменте почти не встречаются. В орнаменте и форме металлических бляшек, глиняных и костяных пряслиц широко распространяется стилизованное изображение солнечного диска с лучами или розетки, что связано с развитием культа солнца, отражающим возрастание роли подсечного земледелия.

Звериный стиль больше всего развивается в металлической, глиняной и костяной скульптуре. Изображения хищных и домашних животных, летящей птицы с человеческой личиной украшают не только предметы культа, но и орудия труда, оружие, предметы быта, части одежды и конской сбруи.

Нередки изображения человека (чаще всего мужчины) с оружием и украшениями, выбитые контуром на надгробных каменных плитах могильников, и глиняные женские статуэтки, у которых отсутствуют какие-либо индивидуальные черты, но иногда орнаментом и налепом проработаны детали одежды. В Верхнем Прикамье найдено немало женских статуэток. Объясняется это, очевидно, тем, что здесь были сильны традиции материнского рода и сохранялся культ женщины — хранительницы домашнего очага. Почти все надгробные плиты с изображениями мужчин найдены в Нижнем Прикамье, где развитие скотоводства и подсечного земледелия привело к укреплению патриархальных отношений.

Встречаются изображения женской фигуры в окружении животных, что, вероятно, связано с почитанием женщины — владычицы зверей.

В предметах искусства ананьинского времени ощущается влияние скифо-сарматов. Предметы скифского звериного стиля служили иногда образцами для местных мастеров.

В памятниках гляденовской культуры (II в. до н. э. — II в. н. э.) преобладают мелкие металлические изображения животных и человека, выполненные техникой плоского и — реже — объемного одностороннего литья с чеканкой отдельных деталей и орнамента. В это время создаются прочные союзы племен, и предметы металлической скульптуры чаще всего встречаются на межплеменных или племенных святилищах-костищах, где они выполняют роль вотивных изображений — заменителей реальных жертвоприношений различным духам.

Повторяется изображение летящей птицы с распростертыми или опущенными крыльями; с узким вытянутым телом. Найдено много одиночных и парных изображений человека, в которых подчеркнуты признаки пола и выделены детали одежды. Нередки изображения лошади и других домашних животных и изображения всадников. В гляденовской культуре продолжают развиваться сюжеты, характерные для ананьинских племен, потомками которых и были гляденовцы.

Наивысшее развитие изобразительного искусства в Прикамье приходится на период ломоватовской культуры (III—VIII вв. н. э.), который А. А. Спицын назвал «золотым веком» пермского звериного стиля. Расцвет объясняется рядом причин: усиливается роль скотоводства и земледелия в хозяйстве местных племен; возрастает роль металлургии железа в производстве орудий труда и предметов обихода; укрепляются отношения патриархата; родовой строй начинает распадаться; учащаются военные столкновения между племенами.

В III—IV вв. из лесостепных и степных районов Зауралья проникают в Прикамье скотоводческие племена угорского и тюркского происхождения. Под их влиянием усиливается роль скотоводства в хозяйстве местных племен, и разложение родового строя идет быстрыми темпами. Продолжает расти роль промысловой охоты. Пушнина становится постоянным средством обмена с далекими землями Средней Азии и Ближнего Востока, откуда проникают в Прикамье предметы роскоши, оседающие в руках местной знати и в святилищах. Этот бурный и богатый событиями период вызвал к жизни новые идеи, в религиозных верованиях получили дальнейшее развитие тотемистические представления и культ предков, начали выделяться культы главных антропоморфных божеств. Вторжение новых племен и расширение торговых связей также сказались на развитии местного искусства.

Сюжеты металлических изображений звериного стиля этой эпохи в основном преемственно связаны с сюжетами предшествующего времени — летящими птицами с личинами на груди, изображениями медведя, лошади и лося. Однако появляются и новые — крупные человеческие личины, дополненные фигурами животных, фигуры человеколовов и человеческие фигуры в их обрамлении, полые объемные фигурки водоплавающих птиц и животных, сцены борьбы между животными леса и степи и многие другие. Наиболее характерны сложные композиции, включающие в себя фигуры животных, человека и фантастических существ и

отражающие богатство и сложность духовного мира создателей этих произведений.

Встречаются как уникальные произведения искусства, так и предметы, отливавшиеся многократно и рассчитанные на обмен. Лаконичный реализм сочетается с богатством фантастических изображений, сплетенных в стройную экономную композицию. Интересными, но почти не изученными пока памятниками искусства этого времени являются контурные рисунки животных, птиц, фантастических существ, человека, сделанные местными художниками на металлической привозной посуде восточного происхождения, которая чаще всего использовалась в святилищах.

На металлической скульптуре преобладает точечный и ложновитой (или косоплетка) орнамент. Он играет подчиненную роль по отношению к основной композиции и лишь обрамляет, ограничивает ее или служит средством художественного оформления природных линий и пропорций тела животного или птицы. Нередко изображения зверей и фантастических существ превращаются в орнаментальные мотивы. Пришлые угорские племена также внесли некоторые новые элементы в орнамент местных племен.

В родановской культуре (IX—XV вв.), сменившей ломоватовскую, происходит схематизация сюжетов. Очертания птиц обретают сухую геометричность контуров; реалистичность в передаче голов зверей и крыльев птиц сменяется линейной орнаментацией; на груди птиц появляются грубые композиции или отдельные фигуры человека, птиц и животных. Орнамент приобретает самодовлеющую роль, натура при этом как бы забывается.

Реалистические изображения голов коней на коньковых подвесках в результате стилизации превращаются в небольшие якорьки, лишь отдаленно напоминающие ранние прототипы. Такой стилизации подвергались и полые изображения птиц на шумящих подвесках, в которых вздутая часть пронизи с отогнутым вперед якорьком почти не похожа на тело птицы. Постепенно исчезают фантастические и человекообразные фигуры в обрамлении человеколюдей. Встречаются изображения женской фигуры в сочетании с колосьями злаков, семейной пары с потомством. Некоторые изображения человека освобождаются от «звериного сопровождения».

Разнообразие и богатство в сочетаниях элементов орнамента получают узоры на глиняной посуде и костяных вещах. Среди них преобладают со-

лярные знаки — изображения розетки, одинарных и двойных кружков и кружков с точкой, символизирующих солнце. Наряду с ними встречаются стилизованные звериные мотивы — медвежья лапа, птичья лапка, сдвоенные головки коней и другие.

В это же время многие бытовые вещи из кости (гребни, рукояти, ложки, бусы, пронизки) украшаются прекрасными изображениями коней, птиц, лосей и других животных и покрываются сложным орнаментом.

Родановская культура — время возрастающего значения пашенного земледелия, полного распада родового строя, образования соседской общины и начала формирования раннефеодальных отношений у предков коми-пермяков. Отмирание родовых и племенных культов и вытеснение их межплеменными, усиление роли главных антропоморфных божеств привели к тому, что часть металлической скульптуры, имевшей культовое значение, была заменена деревянной. Мелкие металлические идолы, которые, несомненно, служили домашними, семейными божками, сменились более крупными, всеми почитаемыми, деревянными.

В письменном источнике XIV в. «Житие Стефана Пермского» говорится о том, что коми почитали «болванов истуканных, изваянных, издолбленных» из дерева. Однако металлические изображения исчезли не сразу.

Еще в XIX в. путешественник Г. Новицкий отмечал, что у соседей коми-пермяков — манси Северного Урала — одним из наиболее почитаемых божеств был медный гусь, который считался владыкой всех водоплавающих птиц. Металлическое изображение его долго сохранялось в особом святилище. Явно металлическим было изображение знаменитой Золотой бабы, о поклонении которой коми-зырян сообщал русский летописец, описывавший смерть русского миссионера епископа Стефана Пермского. Позднее о ней писали русский митрополит XVI в. Симон, русские и иностранные путешественники, и до сих пор о Золотой бабе сохранилось немало легенд и преданий *.

Проследим эволюцию некоторых сюжетов пермского звериного стиля. Поскольку, как уже говорилось ранее, многие памятники искусства были

* Ю. М. Курочкин. Легенда о Золотой бабе. Пермь, 1965.

в то же время предметами религиозного культа, необходимо рассматривать их в связи с этнографическими данными, характеризующими отдельные виды тотемистических представлений.

Среди предметов звериного стиля часто встречаются изображения птиц. Самые древние относятся к эпохе неолита и бронзы. Преимущественно изображались водоплавающие птицы — утки, лебеди, водяная курочка, гуси. Большинство деревянных изделий Шигирского и Горбуновского торфяников выполнено в манере свободной стилизации; тело птицы гладкое и слабо расчлененное, переход от клюва к голове почти не заметен, глаза не изображены вовсе. На глиняном сосуде со стоянки Бор III фигура водоплавающей птицы, выполненная широким зубчатым штампом, еще более стилизована. Двумя параллельными линиями показано удлиненное тело, отпечатками штампа обозначены шея и голова. Несмотря на крайнюю степень стилизации, видно, что птица стремительно плывет.

В иной манере выполнены фигуры водоплавающих птиц в металлической скульптуре ананьинского времени. Это летящие птицы с раскрытыми и несколько опущенными вниз крыльями, со слабо намеченным утолщением на месте головы. Поджатые лапы показаны двумя утолщениями-бугорками, глаза и клюв не выражены. Трудно определить вид птицы, хотя по общему облику ее явно можно отнести к числу водоплавающих. Подобного рода фигурки найдены в Луговском и Зуевском могильниках Нижнего Прикамья. Все они имеют ушко для подвешивания, некоторые отлиты в виде удлиненной пластины. Тела фигурок вытянуты, хвосты той же ширины, что и туловища. Такие фигурки встречаются и среди поздних рисунков Писаного камня.

На Гляденовском костыше (гляденовская культура), на реке Нижней Мулянке, также обнаружены многочисленные фигуры летящих водоплавающих птиц, по манере исполнения очень похожих на ананьинские, но отличающиеся от них хорошо выраженным коротким вытянутым клювом и параллельными линиями, которыми передано оперение на крыльях и хвосте (ил. 8). На Гляденовском костыше встречаются уже и полые стилизованные пронизки, изображающие водоплавающих птиц. Тело птицы укорочено, шея покрыта параллельными насечками, клюв и голова не расчленены, крылья условно переданы идущим под углом насеченным пояском из двух параллельных линий и короткой поперечной насечки.

Наибольшее распространение полые пронизки в виде водоплавающих птиц получают в ломоватовской культуре. По стилю изображения они от-

даленно напоминают лучшие образцы эпохи неолита. Тело птицы передано пропорционально, клюв хорошо выражен, но не отчленен от головы, глаз нет, либо они слегка намечены углублениями, сложенные крылья переданы несколькими параллельными линиями крупного точечного орнамента, лапки показаны утолщениями у нижнего обреза фигуры. Позднее на этом месте появляется ушко для шумящих привесок. Несмотря на миниатюрные размеры, фигуры птиц поражают художественной завершенностью. Подобного рода фигуры встречаются чаще всего на памятниках раннего, харинского, этапа (III—V вв. н. э.) (ил. 16 а, в).

На позднем, неволинском, этапе ломоватовской культуры фигуры, сохраняя ту же форму и пропорции, превращаются в шумящие пронизки (ил. 11 а). Большая часть их выполнена довольно условно и грубо, и только некоторые сохраняют высокие художественные достоинства. К таким относится, например, шумящая пронизка из Мальцевского могильника IX—X вв., изображающая лебедя. Мастеру удалось передать грациозно изогнутую шею, стройное тело плывущей птицы и условно — тремя параллельными насечками — сложенные крылья. При сильном развитии орнамента в украшении металлических фигур этого времени пронизка из Мальцевского могильника совершенно гладкая. Исключительно точно переданные контуры тела птицы создают более цельный образ, чем те фигуры, на которых орнамент мешает восприятию образа, мельчит его. На рукоятках металлических ложек этого времени встречаются искусно выполненные погрудные изображения лебедя (ил. 17 б).

В поздних памятниках родановской культуры птицевидные шумящие пронизки утрачивают характерные черты водоплавающих птиц. Туловище птиц укорочено, тело и шея покрыты геометрическим линейным орнаментом с поперечной или ложновитой насечкой, клюв еле намечен, голова с клювом постепенно сокращается до изогнутого под углом отростка, а шея приобретает цилиндрическую форму и сплошь покрывается линейной насечкой. Подобного рода пронизки найдены на Кудымкарском городище, в Даниловском могильнике и других местах.

Водоплавающих птиц почитали многие народы Урала. У коми и коми-пермяков немало легенд и преданий связано с лебедем — «юсь». Он считался священной птицей, на него не охотились, и мясо его не употребляли в пищу. Такой же почитаемой птицей была утка. В Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого округа до недавнего времени были распространены знаки собственности, обозначающиеся словом «юсь». Очевидно, лебедь

считался священной птицей родового коллектива, который когда-то обитал в этом районе. Сосуды с изображениями водоплавающих птиц использовались в религиозных обрядах, как жертвенная посуда, а каменные и металлические фигурки — как амулеты-обереги, как votивные вещи — жертвоприношения божеству, или как части шаманской одежды. Поздние птицевидные пронизки служили украшением обычной одежды.

Фигуры летящих птиц с распростертыми или опущенными крыльями, появившиеся в ананьинское время и сохранившиеся в гляденовской культуре, изредка встречаются и в памятниках ломоватовской культуры и ранних родановских. Однако они все больше стилизуются. Например, фигурка летящей птицы из Загарского могильника X в. на Инье почти сплошь орнаментирована (ил. 9б). Крылья по краям покрыты короткой насечкой, тело — длинными параллельными штрихами, расширяющийся книзу хвост украшен расположенными под углом параллельными удлиненными линиями, передающими оперение, грудь птицы орнаментирована в «елочку», лапки отмечены двумя бугорками, на почти круглой утолщенной голове двумя бугорками показаны глаза. Перегруженность условными деталями производит уже антихудожественное впечатление.

В ананьинской культуре появляются изображения хищной птицы с человеческой личиной на груди, очевидно, связанные с представлением о священной птице, уносящей душу человека в иной мир. Развитие этого сюжета подробно изучено А. В. Шмидтом. Древнейшим изображением он считал фигуру птицы с человеческими головами на крыльях, найденную на Пижемском городище. Среди поздних рисунков Писаного камня встречается контурное изображение птицы с личиной на груди. Многочисленные фигуры хищных птиц (филин) с опущенными крыльями, расширенным хвостом, с одной или двумя головами в фас или профиль, с четко выраженным клювом и человеческой личиной на груди обнаружены на Гляденовском костыше. Глаза птиц выделены кружками или не выделены совсем, человеческое лицо изображено полностью или только намечено насечками (глаза и нос), крылья и хвост покрыты орнаментом в виде мелкой насечки.

Этот тип изображений часто встречается в металлической скульптуре ломоватовского времени. Летящая хищная птица изображается довольно реалистично. Крылья птицы украшены многочисленными стилизованными головами животных, чаще всего лося. Хвост превращается в ажур-

ное расширение из нескольких отдельных полос, соединенных снизу и покрытых точечным орнаментом или насечкой. Человеческое лицо передано реалистично в двух плоскостях — выпуклый лоб и нос и углубленная лицевая часть, на которой отмечены глаза и рот, а иногда и усы. Ниже лица — довольно условное изображение рук. Лучшие образцы подолок поражают мастерством компоновки. Так, на фигуре трехголовой птицы из с. Гайны (ил. 6) мастер сделал центром композиции человеческое лицо, обрамленное в верхней части сходящимися головами лосей. По обе стороны от центра разместились головы лосей с открытыми пастьями. Хвост птицы образован фигурами животных типа ящеров, обращенных головами к центру. На поздних изображениях оперение хвоста и крыльев показано прямыми линиями, туловище покрыто перекрывающейся насечкой, человеческая личина дана выпукло и грубо. Появляются грубо выполненные фигурки птиц с широко распростертыми крыльями.

В памятниках родановской культуры в стиле таких изображений ощущается крайний схематизм, преобладают геометрические очертания. Орнамент в виде косой насечки становится главным в оформлении фигуры птицы. Человеческая личина исчезает или превращается в стилизованную геометрическую фигуру, например в ромб на птице из селища Телячий Брод на реке Усьве (ил. 9 в). На теле птиц встречаются полные изображения человеческой фигуры, иногда в сочетании с фигурой животного, например коня, как на птице из Кудымкарского городища (ил. 11 в).

Особую группу птицевидных изображений составляют пронизки в виде «кричащих птиц» и с изображением птицы, клюющей животное.

Лучшие образцы «кричащих птиц» найдены на памятниках харинского этапа ломоватовской культуры, например в известном Георгиевском кладе IV—V вв. н. э. Это крупные объемные ажурные изображения хищного животного с телом птицы, оперение крыльев которой искусно показано точечным орнаментом (ил. 17 а, 18 а, б). Раскрытая пасть и разъяренные, широко раскрытые глаза переданы с большой экспрессией. Тело в виде птицы изображено статично, в спокойной манере. Когти сжимают голову поверженного животного, сочетание экспрессии со статичностью придает особый колорит изображениям. Такой сюжет не имеет предшественников в более ранних культурах железного века в Прикамье. Правда, среди изображений на блюдах иранского происхождения, найденных в Прикамье, встречается фигура священного крылатого пса — Сэнмурва

(Симурга) — охранителя растений *. Возможно, что этот образ, переработанный местными мастерами, дополненный изображением лосиных голов и выполненный в обычной для мастеров манере, лежит в основе так называемых кричащих птиц. На позднем этапе ломоватовской культуры фигурки крылатых псов становятся меньше по размерам, теряют ажурное оформление, утрачивают высокие художественные достоинства прототипов. В памятниках родановской культуры они уже не встречаются.

Особо следует отметить оригинальную пронизку из Больше-Висимского могильника VII—VIII вв. на Каме. На ней изображена хищная птица, вцепившаяся когтями в животное. Шея птицы переходит в объемную голову человека с четко выделенными глазами и носом, прорезными ноздрями и ртом. Крылья и расширяющийся хвост покрыты точечным орнаментом (ил. 12 б).

Сочетание стремительности, эмоционального накала, экспрессии и буйной фантазии со спокойным реализмом и подчиненностью орнамента природным пропорциям в фантастических образах определяет своеобразие пермского звериного стиля, который А. В. Шмидт точно назвал «волнующим».

В реалистической манере выполнены пронизки с фигурками птиц, клюющих животное. Оперение птиц показано точечным орнаментом так, что можно различить отдельные наиболее крупные перья. На одной пронизке изображена крупная птица (орел?), сидящая на спине у медведя и клюющая его в голову (ил. 20 б), на другой — хищная птица, прижавшая когтями поверженного на спину пушного зверька, вероятно соболя (ил. 19 а, б). Более поздние пронизки этого типа, сильно стилизованные, утрачивают художественные достоинства.

Кроме большинства предметов с изображениями птиц, имеющих культовое значение (часть птицевидных подвесок и пронизок является принадлежностью шаманского костюма), можно отметить и бытовые вещи. Это фигурки хищных птиц на бронзовых навершиях кресал-огнив (ил. 14), фигурки двух птиц, обращенных головами друг к другу, на крышке бронзового медальона с шумящими подвесками из Редикорского могильника VII—X вв. (ил. 13) и многие другие.

* К. В. Тревер Собака-птица: Сэнмурв и Паскудж. — В сб.: Из истории докапиталистических формаций. М. — Л., 1933.

Хищные птицы, особенно филин, также были объектом почитания местных финно-угорских народов Урала. У обских угров филин — тотем одного из родов, его облик принимали дочери князей и богатырей, когда хотели незаметно от сородичей посетить своего избранника. Изображение человеческого лица и человеческой фигуры на птице, очевидно, связано с анимистическим представлением о возможности человеческой души превращаться в птицу.

Изображение медведя впервые встречается в Верхнем Прикамье среди неолитических рисунков Писаного камня. Зверь изображен в обычной для того времени манере — силуэтом. Он сидит на задних лапах. По-видимому, сильный и опасный хищник уже тогда был священным животным. Раздробленные кости медведя найдены на жертвенном месте, расположенном на полуострове, под наскальными рисунками.

Медведя почитали многие народы Урала. У коми в прошлом существовал культ медведя — «оша». Один из народных героев коми носил имя Кудым-Ош. С медведем связано немало суеверий. Медвежьи клыки служили амулетом охотникам, за ними признавали лечебные качества. Охотники считали медведя похожим на человека и называли его «хозяином».

Среди знаков собственности у коми-пермяков бытовали изображения, носившие названия «большой медведь», «маленький медведь», «медвежье ухо». Кстати, они чаще встречались около г. Ошор, что в переводе с коми означает медвежье поле. Вероятно, и здесь медведь был тотемом одной из родовых групп.

Изображения медведя встречаются на костяных рукоятках и бронзовых бляшках в памятниках ананьинской культуры (Конецгорское селище, Зувский могильник, Галкинское городище).

Наиболее характерным сюжетом пермского звериного стиля является изображение медведя в жертвенной позе. Еще в XIX в. у зауральских племен был распространен обычай снимать с убитого медведя шкуру вместе с лапами и головой и укладывать в переднем углу жилища на стол так, чтобы морда находилась между лапами, после чего начинался магический обряд поклонения медведю, так называемый медвежий праздник. На Гляденовском костыше найдено девятнадцать фигурок медведя в жертвенной позе, выполненных техникой выпуклого литья, напайки и чеканки (ил. 31 б). Каждая фигурка вписана в основание подковообразной бляшки, имеющей ушко для подвешивания; края бляшки

украшены ложновитым орнаментом, когти изображены насечкой; на темени проходит полоска ложновитого орнамента, вероятно, изображающая шерсть. Бляшки прорезные, часть деталей (проволочки с ложновитым орнаментом, ушки) напаяна.

На Гляденовском костыше найдены также плоская фигурка медведя с поднятой шерстью и обозначением мускулов в виде завитков и грубые полые пронизки, лишь отдаленно напоминающие фигуру медведя. Здесь же обнаружена выпуклая бляшка с тремя медвежьими головами, окаймленная ложновитым орнаментом.

Гляденовские фигурки послужили прототипами замечательных художественных изображений медведя, встречающихся в памятниках ломоватовской культуры. К лучшим из них относятся рельефные прямоугольные крупные бляхи из д. Кын и из коллекции Зеликмана. Голова медведя на бляхе из д. Кын изображена особенно реалистично: четко выделены уши, глаза, когти на лапах, вздыбленная шерсть на темени. Когти отделены от лап поперечными полосками (ил. 26). Подчеркнуто величие и могущество «хозяина тайги». Орнамент по краям бляхи подчинен основной цели — выделить фигуру медведя и ограничить ее в пространстве. Эта бляха стала своеобразным символом пермского звериного стиля.

На бляхе из коллекции Зеликмана изображены три головы медведя друг над другом. Ложновитой орнамент отделяет свободное поле с обоих краев, еще одна полоса его проходит по самому краю бляхи (ил. 27). И здесь мастер усиливает, выделяет основной художественный образ, ограничивая головы медведей полосой орнамента и свободным полем.

Около д. Харино Гайнского района найдено бронзовое навершие кинжала с полый прорезной фигуркой медведя наверху. Медведь изображен присевшим на лапы. Тело его, как и все навершие, украшено точечным орнаментом (ил. 33 а). На памятниках харинского этапа часто встречаются полые пронизки с прорезными фигурками медведей, очень похожими на медведя харинского навершия (ил. 28). Отверстие для продевания ремня проделано в верхней части фигурки. На пронизке из д. Морочата на спине фигуры находится удлиненная цилиндрическая трубочка, украшенная по краю ребристыми линейными утолщениями.

В памятниках ломоватовской культуры изредка встречаются плоские бляшки, изображающие медведя в движении (ил. 29 в). Голова зверя, сильно уменьшенная и до крайности стилизованная, украшает прорез-

ные рукоятки бронзовых ложек (ил. 30 в). Наиболее художественно выполнена голова медведя на крупной ажурной основе шумящей подвески из Урынского могильника VIII—X вв., найденной в Кочевском районе Коми-Пермяцкого округа. Изображение дано в условной манере. Орнамент, однако, играет подчиненную роль, передавая основные черты образа достаточно реалистично.

В родановской культуре изображение медведя в жертвенной позе часто встречается на основах шумящих подвесок (ил. 30 а). В подвеске из Каневского могильника X—XI вв. голова медведя занимает центр подковообразной бляшки и окружена двумя рядами насечки. Здесь орнамент доминирует над основным образом, переданным довольно схематично. В Загарском могильнике X в. найдена бронзовая прорезная пряжка от поясного ремня, центральную часть которой занимает сильно стилизованная голова медведя, лежащая между лапами (ил. 30 б). В памятниках родановской культуры часто встречаются металлические подвески, имитирующие медвежьи когти.

Так же, как и изображения птицы, изображения медведя в родановское время переходят на бытовые предметы.

Древнейшее изображение лося на Урале обнаружено на деревянной лыже из Висского торфяника. Мастер хорошо передал нижнюю отвисшую губу, слегка раздутые ноздри, небольшие настороженные уши зверя. Изображения лося нередки в наскальных рисунках эпохи неолита и бронзы на Писаном камне. Здесь же впервые встречается человеческая фигура с лосиной головой.

Лось, подобно медведю, почитался как тотемное животное многими племенами Урала и лесной полосы территории СССР. Сильно стилизованные фигурки лося, нанесенные коротким зубчатым штампом, украшали нижнюю часть орнаментальной зоны глиняного сосуда эпохи бронзы со стоянки Бор III. Жертвенные деревянные сосуды в виде настороженной фигуры лося с полостью во всю длину спины найдены в Горбуновском торфянике около Нижнего Тагила. По оформлению головы (отсутствие рогов) можно отличить самку от самца. В Шигирском торфянике, в том же районе, найдены роговые пластины с изображением головы лося, сохраняющей основные черты натуры, но уже более стилизованной.

В памятниках ананьинской культуры также встречаются фигурки лося, выполненные из кости (Пижемское городище и др.). У всех этих фигу-

рок удлинённые пропорции, в основном фигурки сильно стилизованы. На Гляденовском костыще найдена одна металлическая фигурка лося, грубо выполненная плоским литьём

Чаще всего изображения лося встречаются среди памятников ломоватовской культуры, но выполнены они в очень своеобразной манере.

Характерное для пермского звериного стиля сочетание фигур животных и человека с отдельными элементами — головами, крыльями — особенно часто встречается в изображении человеколосей. Эти фигурки относятся к неволинскому этапу ломоватовской культуры, что хорошо определяется находкой на жертвенном месте у д. Подбобька фигурки человеколося вместе с сасанидской монетой Хосрова II (590—628 гг.). Самые ранние принадлежат к харинскому этапу (III—V вв.). К их числу можно отнести обломок ажурной бляхи с изображением трёх человеческих фигур, причём голова каждого заменена головой лося. Бляха эта найдена на городище Гарамиха харинского времени.

Одежда человеколосей украшена характерным для того времени точечным орнаментом.

К тому же периоду, вероятно, относится замечательная ажурная бляха из коллекции Зеликмана, изображающая фигуру лося, стилизованную под коня с распущенным хвостом, и фигуру человека-всадника на ней. Выше фигуры лося находятся семь лосиных голов. В нижней части бляхи лосиные головы образуют орнаментальную рамку. В композицию искусно вписана фигура лошади, а ниже лосиной морды — фигура хищной степной птицы (орла?) с распростёртыми крыльями. На бляхе, очевидно, изображено верховное женское божество — владычица домашних и диких животных и птиц (ил. 57). Тело конелося, декоративно изогнутое, создает ощущение движения. Орнамент по краям бляхи придает композиции законченность.

Большинство фигурок человеколосей (в Прикамье их найдено около двухсот) представляют собой удлинённые прорезные бляшки, в центре которых изображена человеческая фигурка, завершающаяся головой лося или имеющая человеческую голову, а выше ее — голову лося (ил. 51 а, б; 52 а, б; 53 б). Фигурка стоит на голове или спине фантастического, похожего на ящера, животного с разинутой пастью и длинными клыками. Вероятнее всего, это изображение «хозяина подземного царства». Народы Северного Урала связывали находки костей мамонта, особенно его черепов с бивнями, с таким сверхъестественным существом. Почти каж-

дая из фигурок имеет индивидуальные черты, несмотря на каноничность изображения в целом.

В. В. Чарнолусский записал у лопарей легенду об олене-человеке Мяндаше, способном превращаться и в оленя, и в человека *. Сопоставляя мотивы легенды о Мяндаше с сюжетами бляшек пермского звериного стиля, на которых изображены человеколось, ученый пришел к выводу, что и раньше в родственной финно-угорской среде племен Приуралья были распространены мифы, главным героем которых считался лось-тотем, человеколось. По мнению Чарнолусского, фигурки отражают мифологическое сказание о человеколосье, являясь иллюстрациями к легендам.

Кроме самых простых изображений, где в центре бляшки находится одна фигурка человеколосья, нередко встречаются и более сложные композиции: три человеческие фигуры — мужская, женская и детская, — стоящие на ящере в окружении человеколосьей, похожих на столбики, заканчивающиеся лосиными головами (ил. 61 б); человеколось в окружении нескольких животных, плотно втиснутых в удлинненную рамку бляхи (ил. 54); семь идущих человеколосьей, а ниже их — столько же стилизованных голов лося (ил. 47); целая группа лосиных голов, часть которых обращена в одну сторону, а остальные расположены над ними (ил. 49) и многие другие варианты.

Большинство групповых изображений с человеколосьями выполнено по определенному канону. В центре композиции, как правило, человеческая фигура или личина (ил. 58), или несколько человеческих фигур (до трех), по краям — стилизованные фигуры человеколосьей, образующих орнаментальную рамку. В нижней части рамки изображение животного (фантастического ящера или стилизованные фигуры обитателей тайги). Однако в пределах этого канона древние мастера искусно комбинировали различные фигуры и отдельные части тел человека и животного, каждый раз создавая совершенно оригинальные композиции.

Человеколосьи были, очевидно, в воображении древних людей своеобразными духами-охранителями верховного божества или семейного очага. Часто на крупных бляхах встречаются изображения семи лосиных фигур или голов (как, например, на вышеописанной бляхе из кол-

* В. В. Чарнолусский. Легенда об олене-человеке. Л., 1965.

лекции Зеликмана). У манси существовало предание о семи братьях — хозяевах семи миров, три из которых находятся под землей, один — сама земля и три относятся к небесной сфере. Возможно, что культ лося приобретал характер космогонических представлений. Встречаются бляхи с изображением человеколося в окружении фигур лесных животных, искусно вписанных в удлиненную рамку бляхи (ил. 54). Очевидно, перед нами изображение лесного духа — хозяина тайги, «верись-морта».

В период родановской культуры изображения человеколося постепенно исчезают. Человеческое тело человеколося, которое раньше изображалось полностью, превращается в столбик. На идолах раннеродановского времени рядом с человеческими фигурами, чаще всего женскими, появляются изображения злаков, например на бляшках из д. Амбор и Омелино Чердынского района (ил. 62 а, б). Видимо, это связано с развитием пашенного земледелия. Изображения лося в композиции с другими животными и птицами сохраняются на крышках медальонов с шумящими подвесками.

Среди изделий пермского звериного стиля выделяются семь крупных ажурных блях с изображением женской фигуры в окружении животных, птиц и человеческих фигур. Бляхи выполнены техникой литья, причем две из них отлиты в одной литейной форме. Все семь блях найдены в Чердынском районе около трех населенных пунктов: одна у д. Усть-Каиб, две — недалеко от устья реки Тимшер и четыре — около пос. Курган. И. А. Лунегов, частично опубликовавший эти интересные находки, датировал их IV—V вв. н. э.*

Несмотря на заметные отличия от всех других изображений, можно проследить некоторые черты сходства в композиции этих блях с более мелкими бляхами, на которых изображены человеколося. В пяти из семи блях в центре находится человеческая фигура, стоящая на животном или на головах животных. В пяти бляхах верхнюю и боковые части композиции составляют вытянутые фигуры людей или животных, головы которых сходятся сверху над центром бляхи. На двух бляхах выше личины основного изображения имеется еще одна круглая личина. Такое же расположение мы видим и на некоторых бляхах с человеколосями.

* И. А. Лунегов. Тимшерская находка. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 30. М., 1949.

Характерным для пермского звериного стиля является орнамент из лосяных голов, окружающих центральную фигуру (бляха из Тимшера) (ил. 67).

Бляха из Усть-Каиба представляет трехликое женское божество, стоящее на животном, похожем на бобра, завершенное сверху тремя птичьими головами в профиль. На лбах всех трех человеческих личин изображены кружки, очевидно солярные знаки — знаки солнца (ил. 68). Такой же знак на бляхе из Тимшера, на бляхе из Кургана на лбу женщины поставлен крест. Признаки пола подчеркнуты полнотой фигур, изображением длинных волос, заплетенных в косы. Все эти бляхи связаны с почитанием верховного женского божества — владычицы животного мира и людей. Об этом говорят склоненные у ног великой богини человеческие фигуры и попираемые ею изображения коров, лосей, лошади.

Фигуру бляхи из Кургана обрамляет изображение змей, в верхней части — фигуры птиц, около ног женщины — стилизованные фигуры лошади (ил. 70). На этой же бляхе и на двух других, отлитых в одной форме, над головой женщины изображено круглое лицо, возможно, олицетворяющее солнечный диск. Вполне вероятно, что все эти идолы являются не чем иным, как изображением знаменитой Золотой бабы.

Одним из распространенных у древнего населения Прикамья был культ коня, образ которого связан с солнцем и богиней природы — матерью всего сущего. В поселениях Верхнего Прикамья, начиная с ананьинской культуры, постоянно встречаются жертвенные комплексы, связанные с почитанием лошади. Это выкладки из конских черепов и ног на каменных вымостках (Гремячинское поселение); конские черепа, лежащие в специальных жертвенных ямах в поселениях и могильниках; зубы лошади среди предметов поминальной тризны в засыпке могильных ям. Возрастание хозяйственного значения лошади, которая использовалась как верховое животное и тягловая сила, привело к тому, что изображение ее в металлической скульптуре пермского звериного стиля оттеснило лося.

Большинство конских фигурок, отлитых в бронзе, служило амулетами-оберегами или украшениями одежды — шумящими подвесками и полыми пронизками.

Самые ранние изображения коня в виде односторонних плоских фигур появляются в ананьинской культуре. На Заюрчимском I селище и городище Алтен-Тау найдены подвески, реалистично изображающие ло-

шадь в полный рост, в спокойной, статичной позе. Хорошо проработаны коротко подстриженная грива, длинный хвост, глаза, уши и ноздри (ил. 35 а). Многочисленные литые конские подвески и изображения всадников из Гляденовского костыща и других памятников гляденовской культуры не отличаются художественными достоинствами, они очень условны и лишь контурами передают основные черты фигур.

В III—V вв. в связи с вторжением в Верхнее Прикамье южных скотоводческих племен значение лошади в хозяйстве местного населения еще более возрастает, и конские изображения становятся особенно частыми. На памятниках харинского этапа ломоватовской культуры встречаются выразительные литые двусторонние фигурки приземистых коней в напряженной позе, одноглавые (ил. 35 б, 36 а, 44 а, б) или сдвоенные (ил. 36 б), украшенные нередко солярными знаками. В лучших из них реализм в передаче контуров тела животного сочетается с искусной орнаментацией.

По мнению Л. А. Голубевой, двуглавость в изображении сдвоенных конских фигурок имела определенный магический смысл. Удвоение символа как бы усиливало охранительное значение амулета для его владельца, защищало от злых сил со всех сторон.

На неволинском этапе между спаренными конскими фигурками появляются возвышения с отверстиями для подвешивания, а еще позднее, с VII в., в нижней части — отверстия для шумящих цепочек с привесками. Постепенно этот тип украшения видоизменяется в коньковые шумящие подвески (ил. 37, 38 а). В харинское время бытуют некоторое время и полые гладкие изображения коней — пронизки — с отверстиями в верхней части для продевания ремня.

Эти же украшения сохраняются на раннем этапе родановской культуры до XI в. включительно. В основах шумящих коньковых подвесок появляется вырез в центре — округлый, четырехугольный, треугольный или в виде двух треугольников, отчего подвески становятся более легкими, ажурными (ил. 40 а, 41 б, 42 а, 42 б). В VIII—IX вв. между головами коней появляется изображение человеческого лица, очевидно, связанное с поклонением женщине — богине плодородия (ил. 41 а).

Сильно стилизованные изображения одной или двух конских голов часто встречаются на бронзовых навершиях огни-кресал (ил. 40 б, 43 а, б). В XI в. спаренные конские головы на основах шумящих подвесок посте-

пенно превращаются в условные якорьки. Однако на поздних памятниках родановской культуры можно изредка встретить художественно выполненные полые фигурки коня — пронизки, богато украшенные ложновитым орнаментом и насечкой (ил. 39). В них сочетается реализм в передаче образа с богатством орнамента, изображающего части тела и сбруи и усиливающего декоративность фигурки. По характеру изображения они очень схожи с фигурками коней на бронзовых замках из Волжской Болгарии. Усиление торговых связей Верхнего Прикамья с этим государством, а также проникновение отдельных групп болгарского населения далеко на север привели к заметному влиянию болгарского ювелирного искусства на искусство верхнекамских племен. Художественные изображения конских фигур часто встречаются и на бытовых вещах (гребни, рукоятки орудий труда, подвески и пронизки), сделанных из кости и рога.

Большинство сюжетов пермского звериного стиля зародилось в далекой древности на местной основе. Об этом говорит преемственность в стиле изображения. Так, например, поза спокойно плывущей по водной глади водоплавающей птицы с горделиво изогнутой шеей, гладкой, без проработки деталей, в основном сохраняется от неолита до позднего средневековья. Изображение человеческого лица в двух плоскостях переходит от деревянных идолов эпохи неолита к металлическим фигурам железного века, а от них — к знаменитой пермской деревянной скульптуре XVII—XIX вв. От гляденовской культуры до X—XI вв. сохраняется изображение медведя в жертвенной позе; фигура летящей птицы с человеческой личиной на груди — от эпохи раннего железа до XII—XIII вв.

Следует отметить, что образы древнего искусства не исчезли и позже, когда коренное население Урала вошло в тесное культурное общение с проникшим сюда и заселившим бескрайние таежные просторы русским населением.

Своеобразные национальные черты искусства коми-пермяков в ряде деталей имеют своим истоком пермский звериный стиль. Большинство произведений пермской деревянной скульптуры, испытавшей влияние русского стиля вааяния, сохранило местные особенности, большая часть их была найдена на территории расселения коми-пермяков.

В северных районах Коми-Пермяцкого округа сохранились, а кое-где сохраняются и по сей день украшенные звериными фигурами и головами (коня, лося, птицы, медведя) охлупни-коньки крыши, флюгера, которые очень похожи на свои прототипы в металлической скульптуре древности. До недавнего времени с этими изображениями были связаны различные суеверия.

В украшениях бытовой утвари (деревянные ковши, ложки и чаши, деревянные и берестяные солонки) у коми и коми-пермяков сохранились резные и прорисованные изображения водоплавающих птиц, также удивительно схожие с древними прототипами. Орнамент в виде солярных знаков (различные виды розеток, дисков с лучами, кружков), стилизованных сдвоенных конских голов и изображений водоплавающей птицы встречался ранее в набойке и сохранился в вышивке, ткачестве, в украшении посуды и бытовых вещей. Характерные черты древнего искусства были унаследованы, переработаны и развиты далекими потомками древних мастеров.

Интерес к искусству древнего Прикамья возник в середине XIX в. Дореволюционными и советскими учеными написано немало работ, прямо или косвенно посвященных этой теме *.

* *Ф. А. Теплоухов*. Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных. — В сб.: Пермский край. Т. 2. Пермь, 1893; *Д. Н. Анучин*. К истории искусства и верований у приуральской чуди. — Материалы по археологии восточных губерний России. Т. 3. СПб., 1899; *А. А. Спицын*. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. — Материалы по археологии России. Вып. 26. СПб., 1902; *его же*. Шаманские изображения. — Записки отделения русской археологии Русского археологического общества. Т. 8, вып. 1. СПб., 1906; *А. В. Шмидт*. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. — В кн.: Сборник музея антропологии и этнографии. Т. 6. Л., 1926; *Д. Н. Эдинг*. Резная скульптура Урала. — Труды Государственного исторического музея. Вып. 10. М., 1940; *М. Г. Худяков*. К вопросу о пермском зверином стиле. — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры, № 8. М., 1931; *О. Н. Бадер* и *В. А. Оборин*. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958; *В. Ф. Генинг*. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. — Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань, 1959; *А. П. Смирнов*. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. — Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 28. М., 1952; *Л. А. Голубева*. Коньковые подвески Верхнего Прикамья. — «Советская археология», 1966, № 3; и многие другие.

Большинство работ принадлежит перу археологов, в руки которых чаще всего попадают древние вещи. В последнее время древнее искусство привлекает внимание этнографов (А. К. Сыропятов, В. Н. Белицер, Л. С. Грибова) *, прослеживающих истоки традиций современного искусства народов Прикамья и прилегающих областей. Но, к сожалению, интереснейшие памятники прошлого почти не изучены специалистами-искусствоведами. Лишь в некоторых работах (Н. Н. Серебренников, Н. С. Королева) ** предприняты попытки выяснить преемственность стиля современного искусства с памятниками истории.

По поводу так называемого звериного стиля немало спорят. К числу спорных относится вопрос о происхождении стиля. Одни ученые (И. И. Толстой и Н. П. Кондаков, И. Н. Смирнов, частично Д. Н. Анучин и Ф. А. Теплоухов) считают возможным выводить его истоки из искусства Передней и Южной Азии (Ассирии, Древней Персии, Сасанидского Ирана, Индии) или, во всяком случае, признают большое влияние переднеазиатских очагов искусства. Другие (Я. Аппельгрэн-Кивало, А. М. Тальгрэн, частично А. В. Шмидт) связывают возникновение пермского звериного стиля с проникновением памятников изобразительного характера из скифоэллинского мира. Большинство ученых (П. И. Мельников, А. А. Спичин, Д. Н. Эдинг, А. П. Смирнов, Л. А. Голубева) доказывают, что произведения пермского звериного стиля являются оригинальными памятниками искусства, возникшими в местной уральской среде. Они связаны с местными религиозными культами, и влияние соседних очагов искусства не имело определяющего значения для их развития. Автор статьи присоединяется к мнению этой группы исследователей, считая, что в настоящее время можно проследить эволюцию некоторых сюжетов стиля на территории Урала с древнейших времен.

К сожалению, отдельные образцы пермского звериного стиля выпада-

* А. К. Сыропятов. Отражение чудовищного стиля в архитектуре построек Пермского края. Пермь, 1928; В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов Коми. — Труды института этнографии. Т. 24. М., 1958; Л. С. Грибова. Историческая традиция в современном искусстве коми-пермяков. — Тезисы докладов V Уральского археологического совещания. Сыктывкар, 1967.

** Н. Н. Серебренников. Пермская деревянная скульптура. Пермь, 1928; *его же*. Пермская деревянная скульптура. Пермь 1967; Н. С. Королева. Искусство пермских финно-угров. — Доклад на V Уральском археологическом совещании. Сыктывкар, 1967.

ют из общей линии развития по манере и технике исполнения, их ранние прототипы пока не найдены.

Большинство предметов пермского звериного стиля представляет собой случайные находки, не связанные с археологическими памятниками. Это в значительной степени затрудняет определение времени их изготовления. Основы датировки вещей были заложены А. А. Спицыным, опиравшимся на находки их в кладах и могильниках вместе с другими хорошо датированными вещами и монетами. А. В. Шмидт проследил на примере одного сюжета — птицы с человеческой личиной или фигурой — эволюцию в стиле и орнаментации и выделил основные хронологические этапы развития сюжета. Тем самым датировки А. А. Спицына подверглись изменению и были уточнены. По мере накопления нового материала с хорошо датированных памятников, особенно из могильников и кладов, датировки подверглись дальнейшему уточнению рядом авторов (А. В. Збруева, А. П. Смирнов, В. Н. Чернецов, В. Ф. Генинг, Л. А. Голубева и др.). Однако и сейчас нельзя быть уверенным в точности определения времени всех известных нам предметов пермского звериного стиля. Особенно трудно установить даты вещей, отличающихся характерными, не имеющими пока аналогий, особенностями. В основу датировки вещей, публикуемых в книге, положены даты А. А. Спицына и А. В. Шмидта, с теми поправками, которые были внесены последующими исследователями.

Возникают дискуссии по поводу сюжетов металлической скульптуры. Археологи проделали немалую работу, привлекая этнографические данные по религии, фольклору, орнаменту местного населения Урала. Значительные исследования в этом направлении проведены и самими этнографами, а за последнее время — искусствоведами.

Сложным и спорным является вопрос об этнической принадлежности памятников древнего искусства. С глубокой древности местные племена Урала, составившие основу будущих народностей, развивались в тесном общении друг с другом. Несмотря на различия в языке, материальной и духовной культуре, они имели много общего. Близким был и уровень социально-экономического развития. Сходство усиливается в период разложения родового строя. В это время общение становится более тесным. Создаются крупные союзы племен, включающие в себя иногда племена не только родственные, но и иноязычные. Происходит значительное перемещение масс населения, связанное с особенностями хозяй-

ства (например, кочевого скотоводства), с уровнем развития общественного строя и давлением со стороны более сильных соседей. Расширяются и становятся устойчивыми торговые связи, иногда с очень удаленными областями. Замкнутость родоплеменных коллективов ослабевает, и некоторые сюжеты искусства становятся межплеменными. Коми и коми-пермяки, имевшие много общего с угорскими племенами Урала (манси и ханты), впоследствии подверглись более сильному влиянию русской культуры. Древние культы и связанные с ними изображения исчезли здесь раньше. Поэтому для расшифровки местных изображений нередко приходится прибегать к примерам из этнографии манси, где древние (в том числе и общие для всего Урала) черты сохранялись гораздо дольше.

Определить этническую принадлежность того или иного сюжета возможно только при тщательном изучении его древних корней на местной почве — не только по содержанию сюжета, но и по стилю, по манере исполнения. Среди исследователей нет еще единого мнения об этнической принадлежности памятников пермского звериного стиля. Ф. А. Теплоухов, А. В. Шмидт, В. Н. Чернецов считают, что лучшие образцы стиля принадлежат угорским племенам, жившим как на восточном, так и на западном склонах Урала. А. В. Шмидт прямо связывает изменения в сторону схематизации и условности в зверином стиле, происшедшие в IX—X вв. н. э., со сменой населения — приходом предков коми-пермяков с запада или юго-запада и вытеснением угорских племен — предков манси и хантов. Исследованиями А. В. Збруевой, А. П. Смирнова, М. В. Таллицкого доказано автохтонное (местное) происхождение коми-пермяков и коми в западном и северном Приуралье. В связи с этим, по нашему мнению, основная часть предметов пермского звериного стиля принадлежит предкам этих народов.

Много споров вызывает вопрос о своеобразии пермского звериного стиля. Изображения животных, птиц и рыб были широко распространены в искусстве разных племен и народов. А. В. Шмидту на примере одного сюжета удалось показать индивидуальные черты пермского звериного стиля: относительно высокую технику объемного и плоского литья, причудливое сочетание образов животных с антропоморфными изображениями, стилизованный реализм, крупный точечный и в виде косоплетки орнамент.

А. В. Шмидту и В. Н. Чернецову удалось выявить некоторые черты отличия западносибирского звериного стиля от приуральского, пермского.

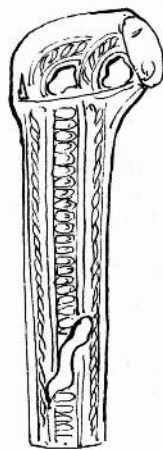
Даже при сходстве сюжетов наблюдаются отличия в манере и технике исполнения. Зауральская металлическая скульптура грубее по технике литья, в ней чаще встречается мелкий точечный орнамент, распространен мотив крупной человекоптицы с кружковым изображением глаз на груди; изображение головы медведя, лежащей между лапами, встречается на плоских широких литых браслетах, которые в Прикамье не изготавливались. В Зауралье редки изображения человеколось, стоящих на «ящере», нет изображений различных зверей на крыльях птиц, полых фигурок так называемых кричащих птиц, характерных для образцов пермского звериного стиля.

Дальнейшее изучение пермского звериного стиля — задача археологов и искусствоведов. Абсолютное большинство предметов металлической скульптуры этого стиля (несколько сотен образцов, происходящих более чем из ста пунктов) найдено в Верхнем Прикамье, преимущественно в Чердынском районе, на территории Коми-Пермяцкого округа и прилегающих к нему районов, а также в бассейнах рек Сылвы и Чусовой. Некоторые произведения прикамской металлической скульптуры обнаружены в бассейнах Вычегды и Печоры, где обитали предки коми, и в Западной Сибири. Доказано местное происхождение таких бытовых предметов, как коньковые подвески и огнива с бронзовыми рукоятками.

Уже сейчас имеются все основания причислить замечательные образцы древнего искусства, сходные по своим стилистическим особенностям, к пермскому звериному стилю.

*В. Оборин,
кандидат исторических наук*

ИЛЛЮСТРАЦИИ



I. ПТИЦЕВИДНЫЕ ИДОЛЫ,
ПТИЦЫ И ЖИВОТНЫЕ

II. МЕДВЕДЬ В МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ
СКУЛЬПТУРЕ

III. КОНЬ НА БЛЯШКАХ
И ПОДВЕСКАХ

IV. ЯЩЕРЫ,
ЧЕЛОВЕКОЛОСИ И ЛОСИ

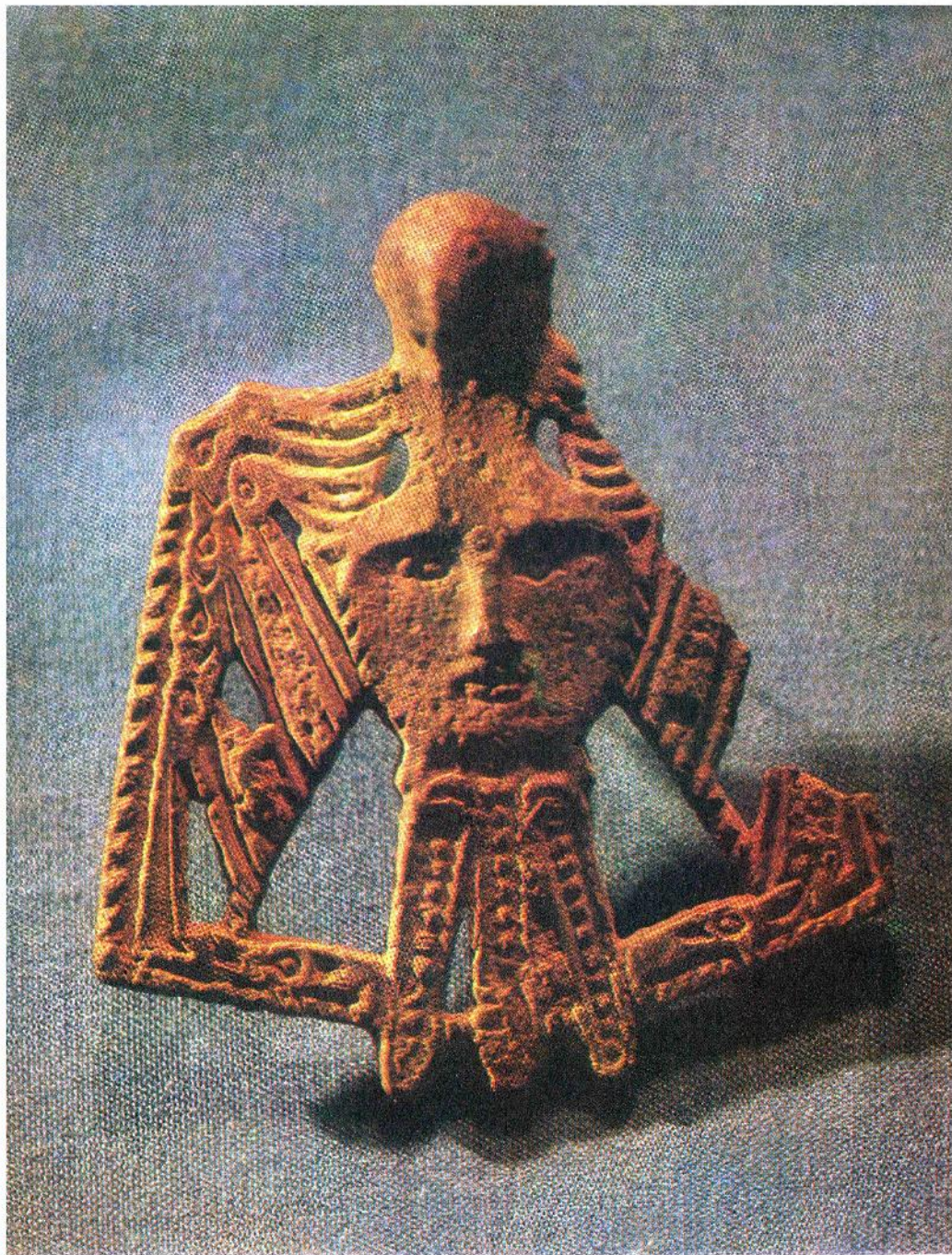
V. ЧЕЛОВЕКОПОДОБНЫЕ
ИДОЛЫ

І. ПТИЦЕВИДНЫЕ ИДОЛЫ, ПТИЦЫ И ЖИВОТНЫЕ

1



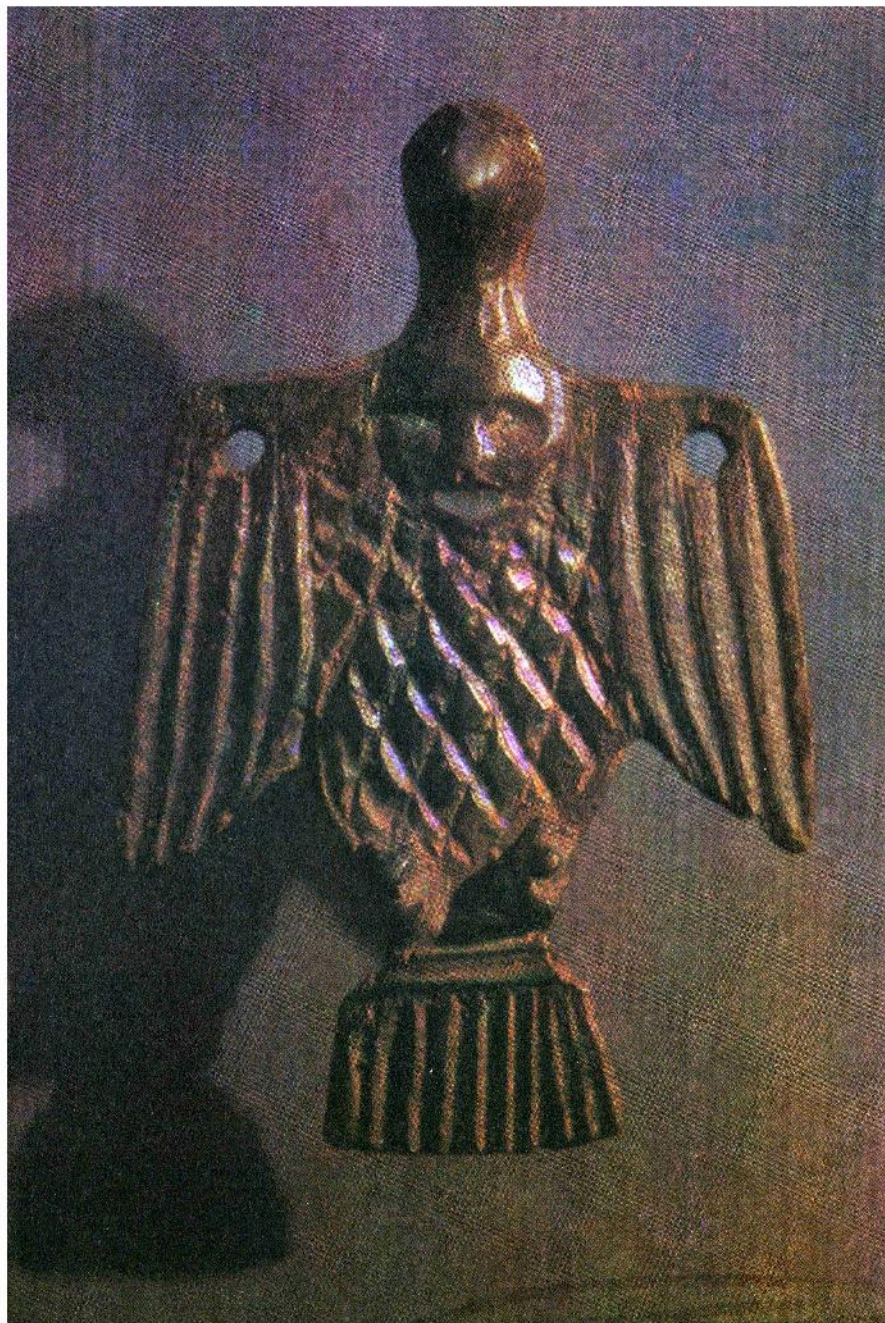
Птицевидный идол с головами лосей на крыльях и мужской личиной на груди. VI—VIII вв.



2

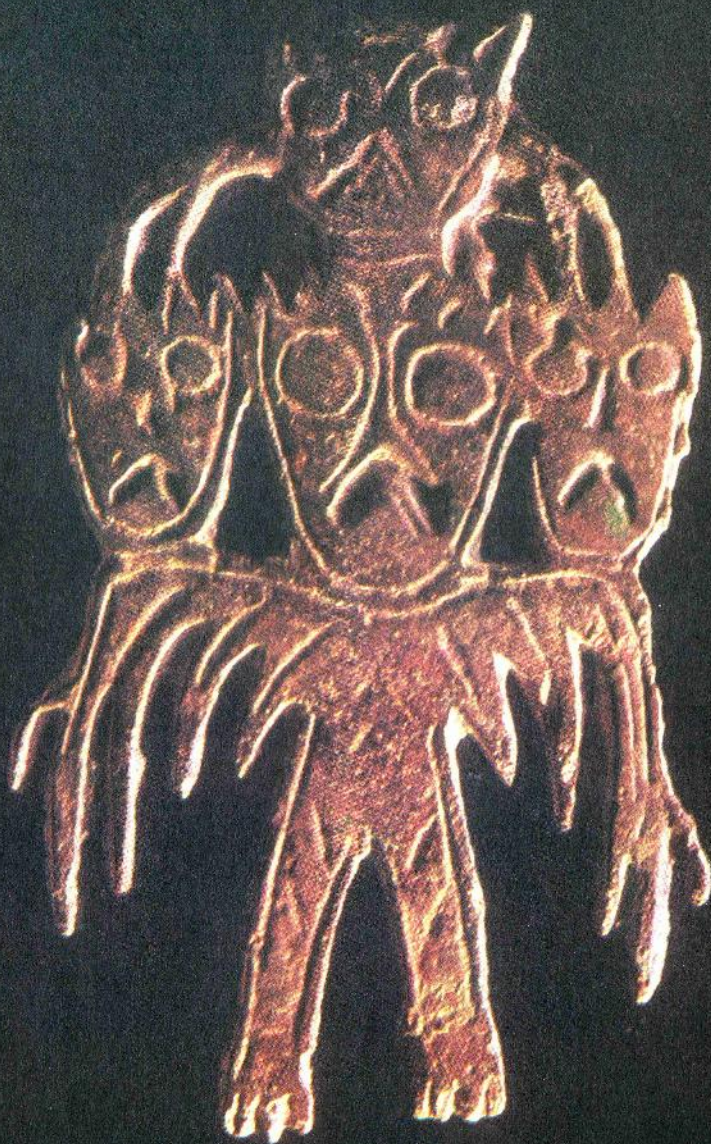


Птицевидный идол с человеческой личиной
на груди. VIII—IX вв.



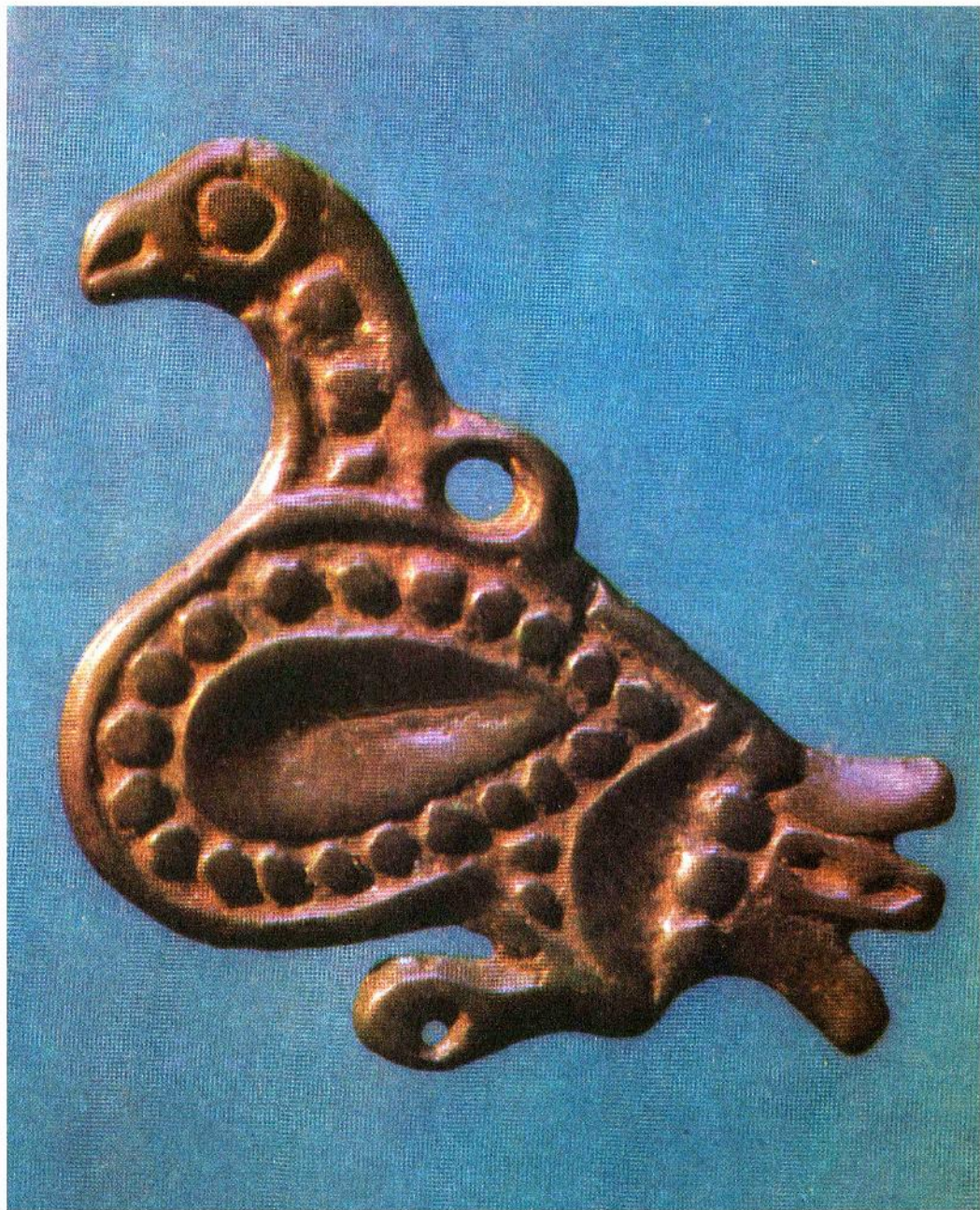


Человекоподобный идол с птичьими крыльями и четырьмя головами. I—III вв.

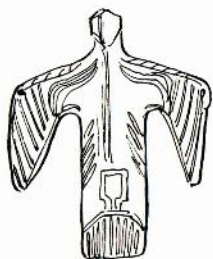




Птицевидная подвеска, орнаментированная
кружками. VI—VIII вв.



5



Птицевидный идол с линейным орнаментом
на крыльях и туловище. IX—X вв.





Трехголовый птицевидный идол с лосиными
головами и мужской личиной на груди.
VIII—IX вв.

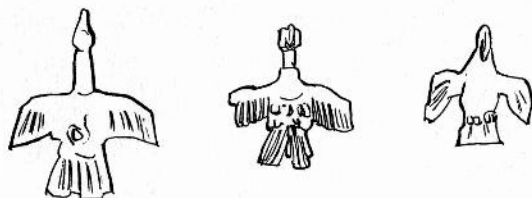


7

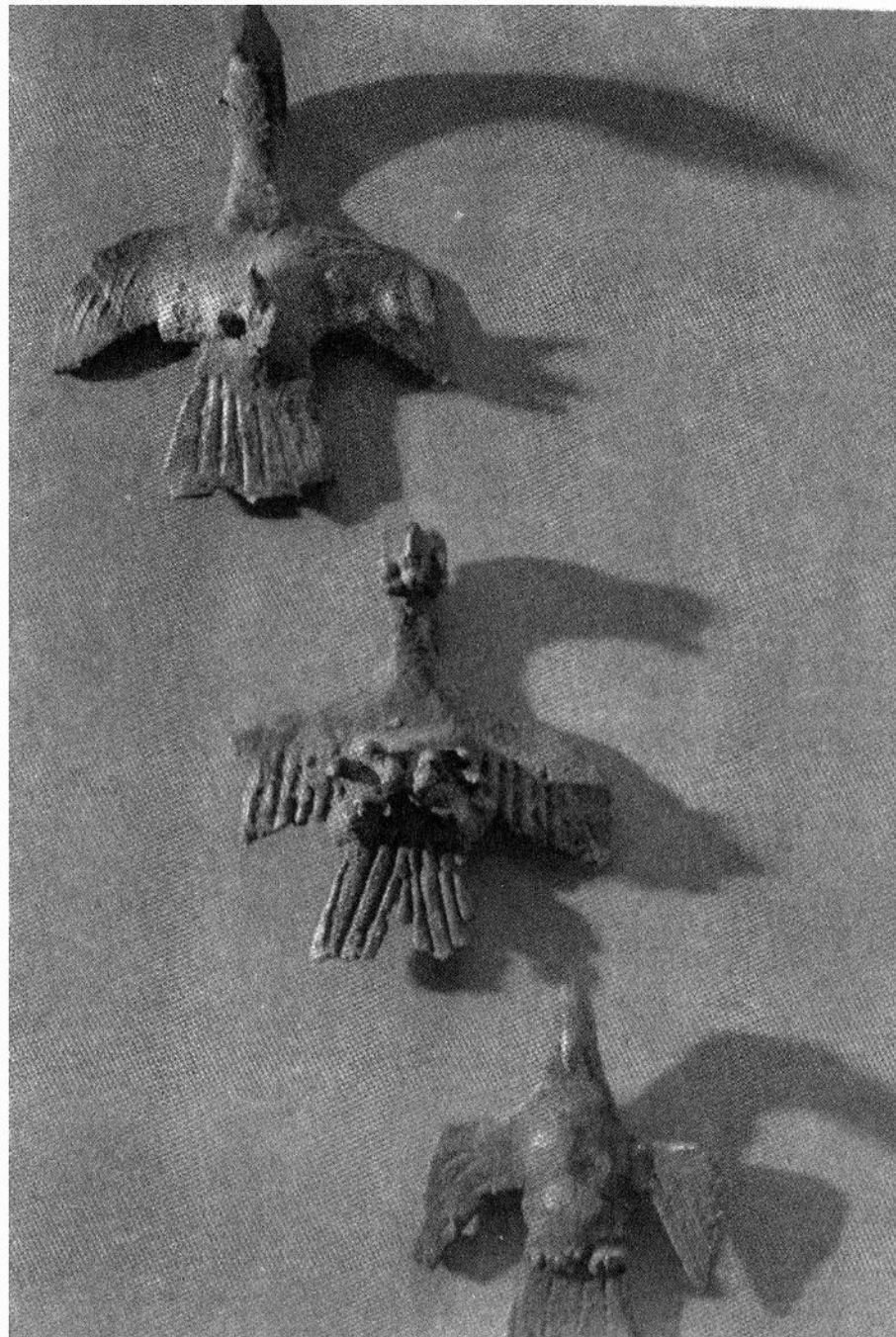


Идол в виде человеческой фигуры с птичьими крыльями. I—III вв.





Фигурки летящих птиц. I—III вв.



9



а. Фигурка летящей птицы, похожей на сову или филина. X в.



б. Фигурка летящей птицы X в.



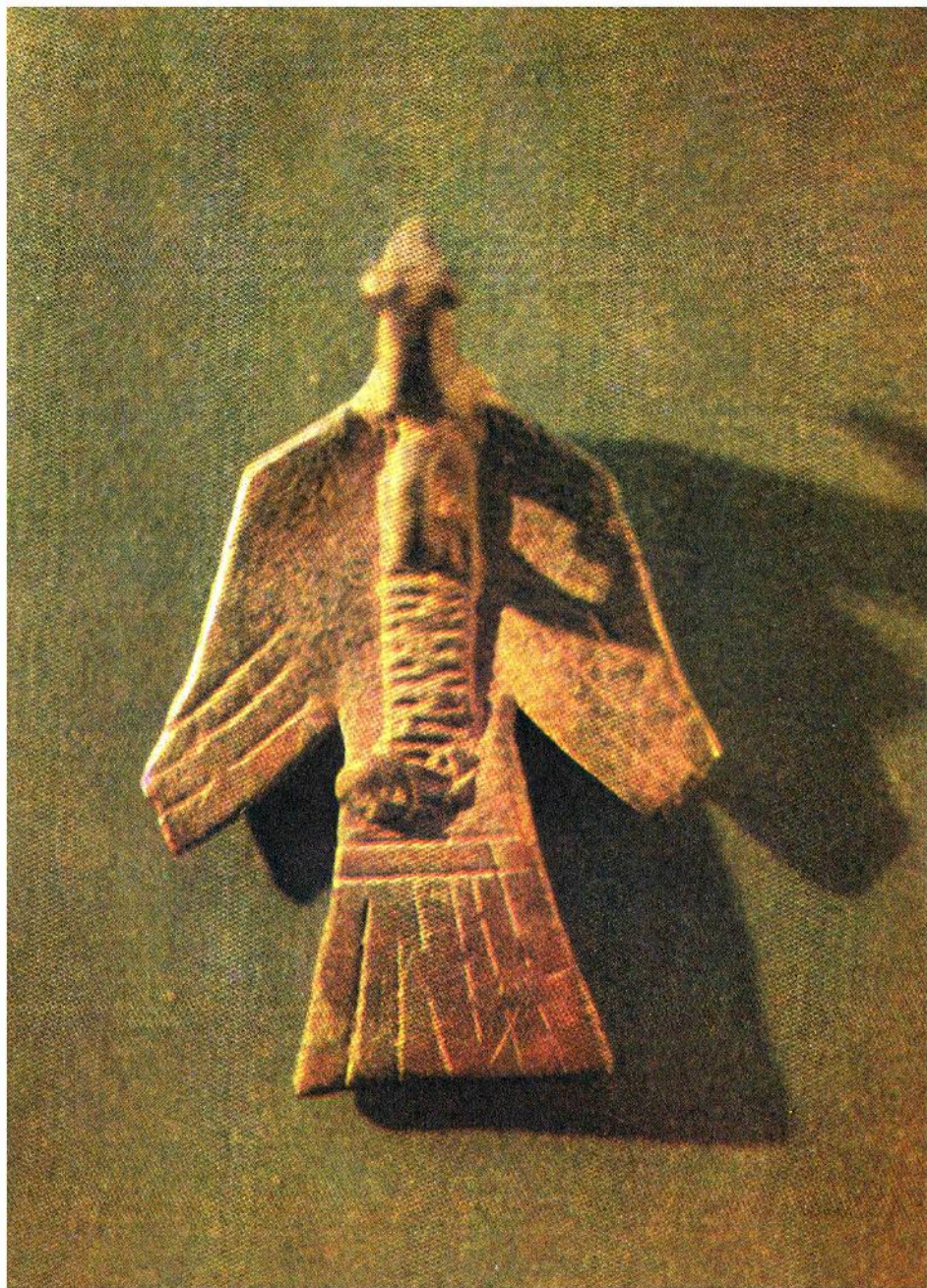
в. Сильно стилизованная фигурка птицы. XI—XII вв.



10



Фигурка летящей птицы с ушком для подвешивания. X—XI вв.





а. Полая птицевидная шумящая пронизка.
XI—XII вв.



б. Плоская шумящая подвеска с двумя
птичьими головами и привесками — гусиные
лапки. XI в.



в. Птицевидный идол с изображением чело-
веческой фигуры и лошади. XII—XIII вв.





а. Фигурка летящей птицы. X—XI вв.



б. Птицевидная пронизка с человеческой личиной. VII—VIII вв.



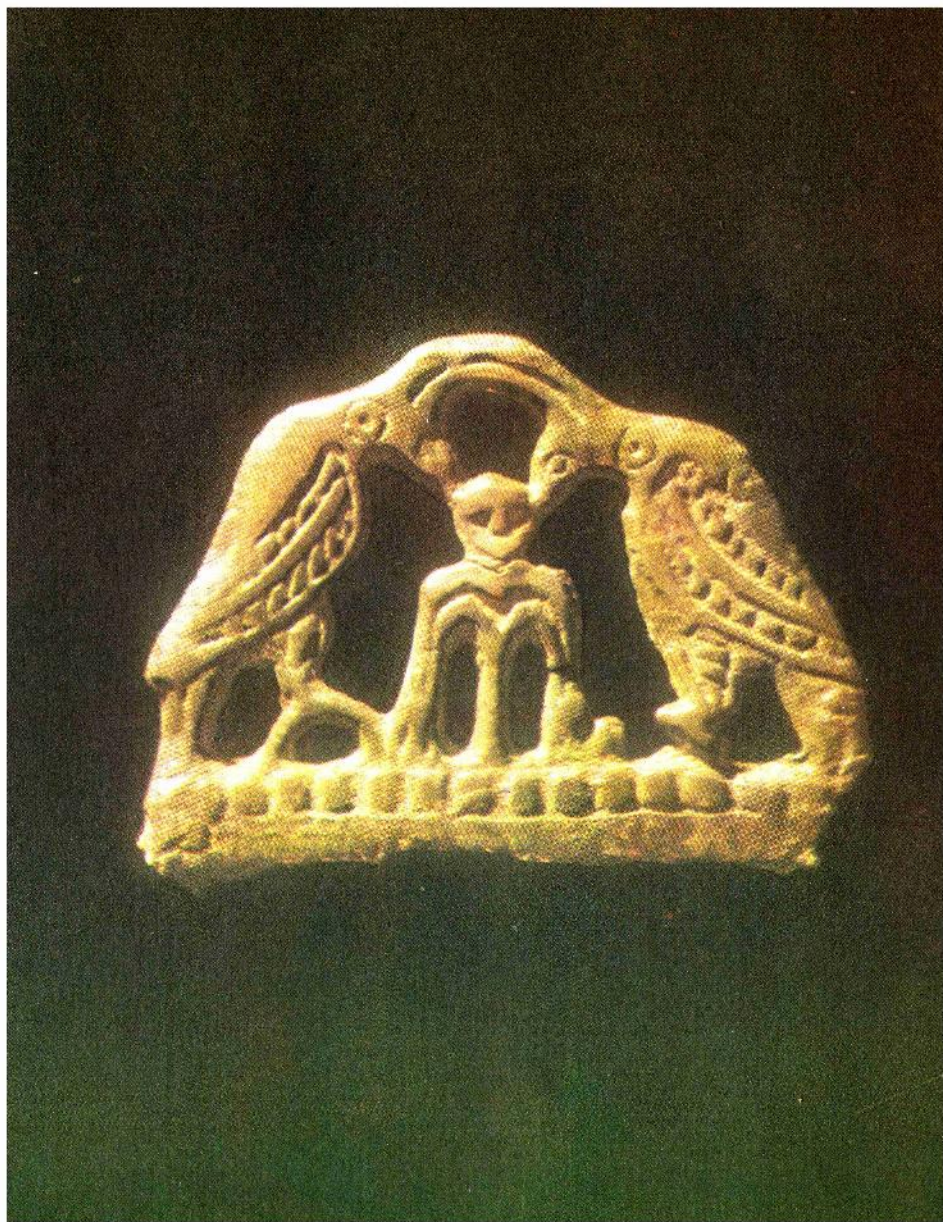


Медальон-коробочка с шумящими подвесками и изображением двух птиц на крышке.
VIII—IX вв.





Навершие кресала с двумя фигурками птиц
и фигурой человека. X в.





а. Полая пронизка с головой лося. VI—VII вв.



б. Полая пронизка с головой лося. VI—VII вв.



в. Полая пронизка с головой лося. VI—VII вв.





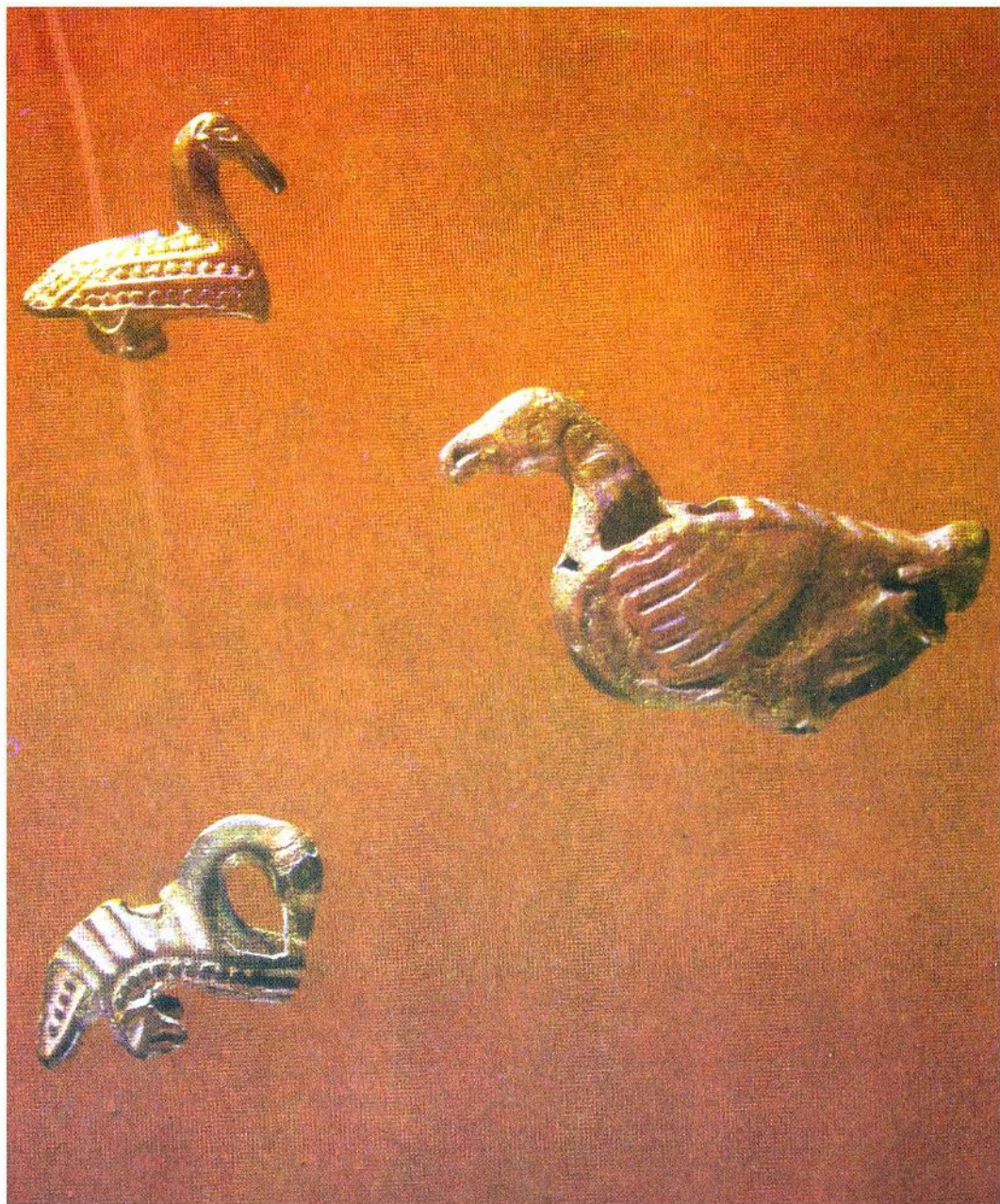
а. Полая пронизка — уточка — с точечным орнаментом. V—VI вв.



б. Полая пронизка — фигурка глухаря. VII—VIII вв.



в. Полая пронизка — уточка. VI—VII вв.

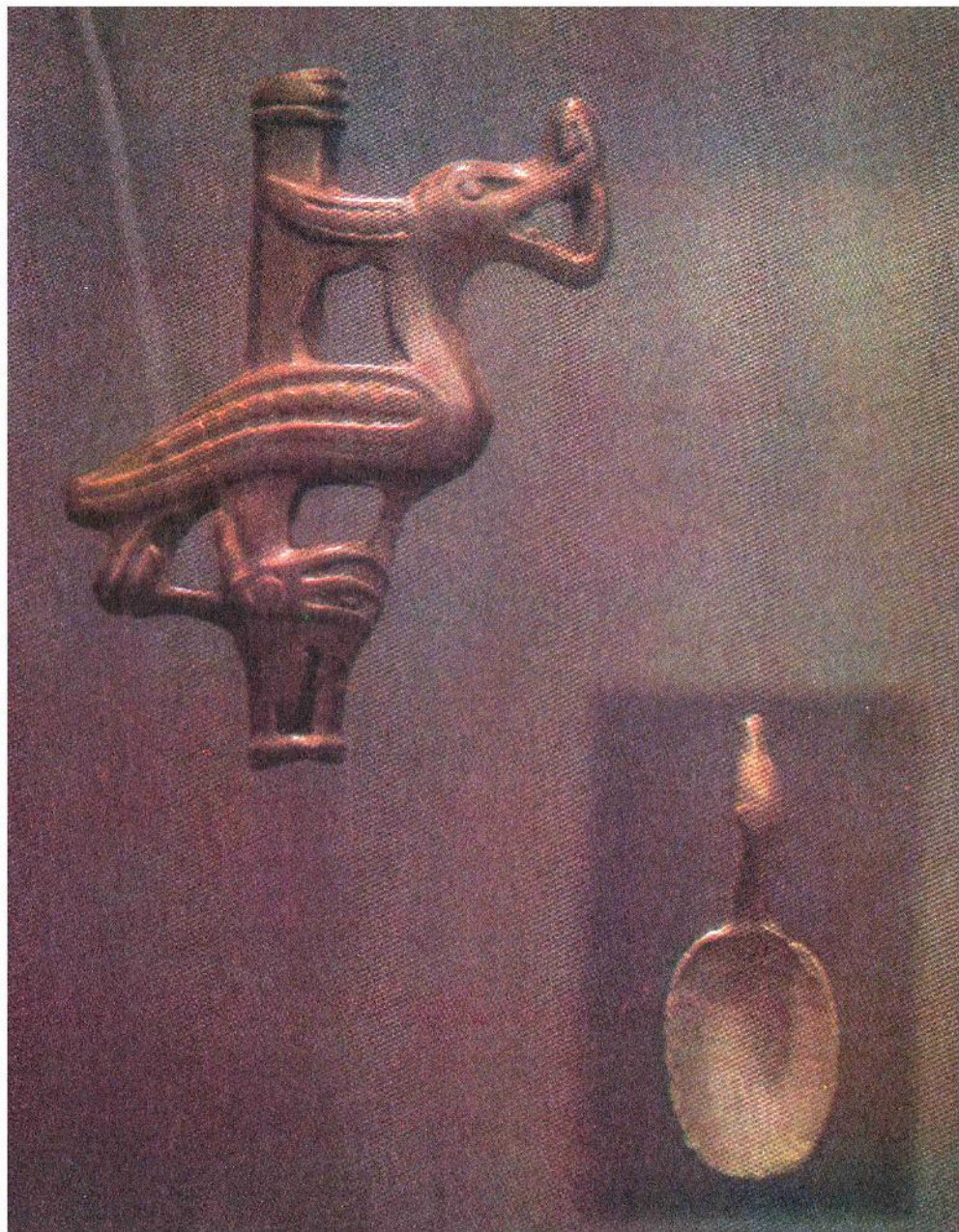




а. Полая пронизка — крылатый пес. V—VI вв.



б. Ложка с изображением головы водоплавающей птицы. VIII—IX вв.





а. Пронизка с изображением крылатого пса. VI—VII вв.



б. Пронизка — крылатый пес с двумя головами. VI—VII вв.

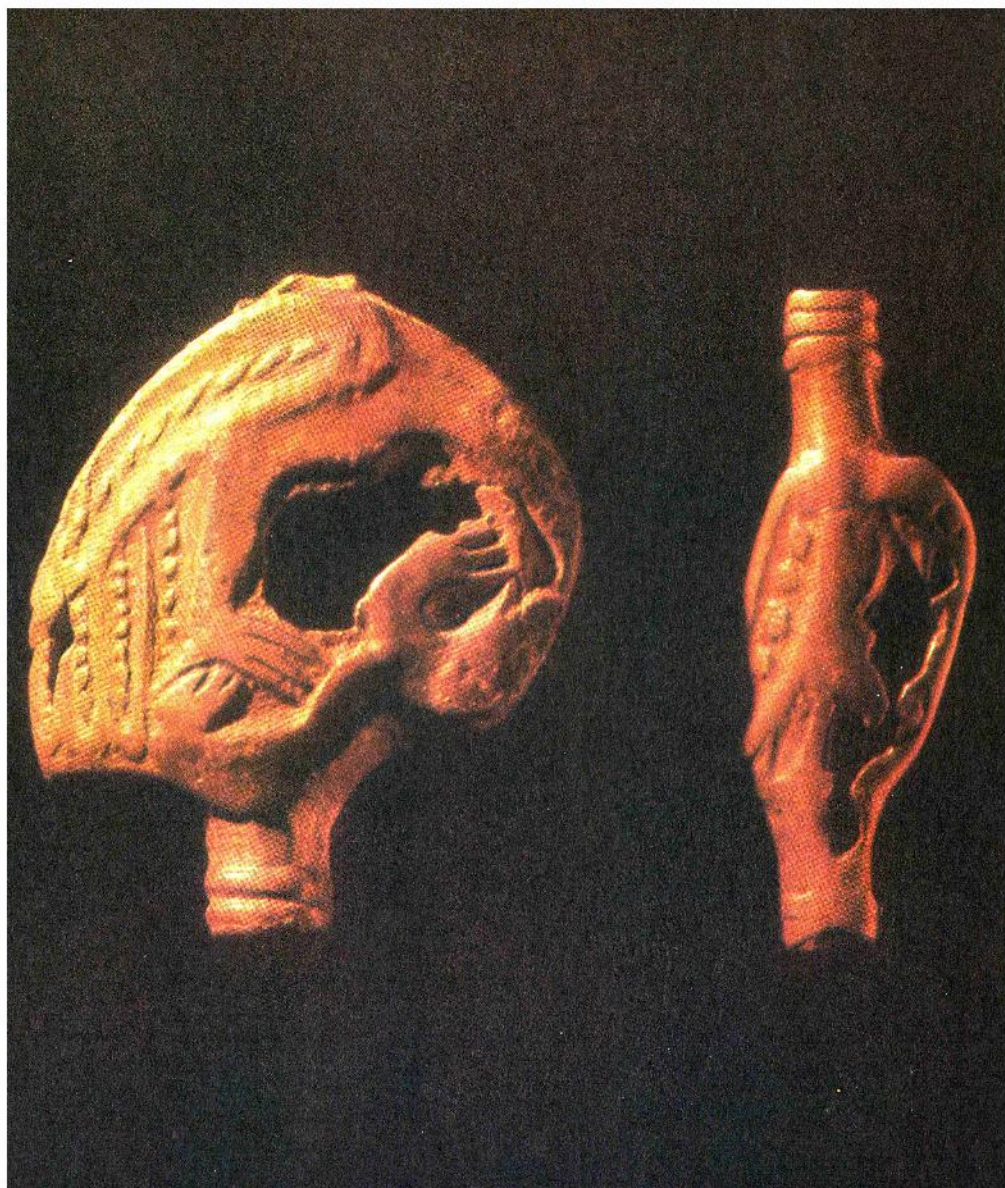




а. Пронизка в виде хищной птицы, клюющей
соболя. VI—VII вв.



б. Пронизка в виде хищной птицы, клюющей
животное. VIII—IX вв.





а. Пронизка — фигурка животного. VI—VII вв.



б. Пронизка с изображением хищной птицы, клюющей медведя. VII—VIII вв.

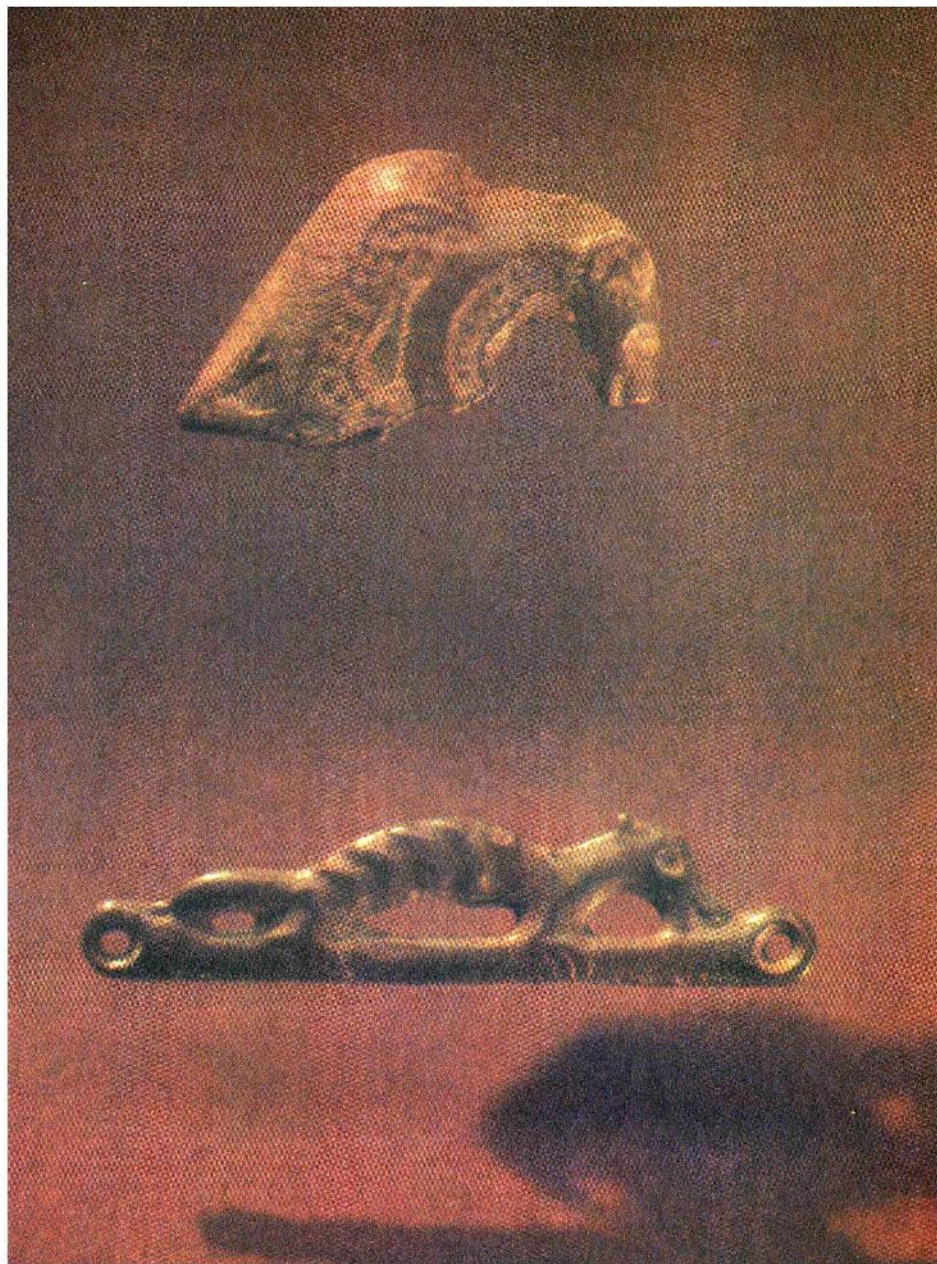




а. Пронизка — фигурка животного — с точечным орнаментом. VI—VII вв.



б. Подвеска — фигурка пушного зверька. VII—VIII вв.





а. Пронизка в виде фигурки соболя. VI—VII вв.



б. Бронзовое наконечник в виде головы оленя. VII—VIII вв.

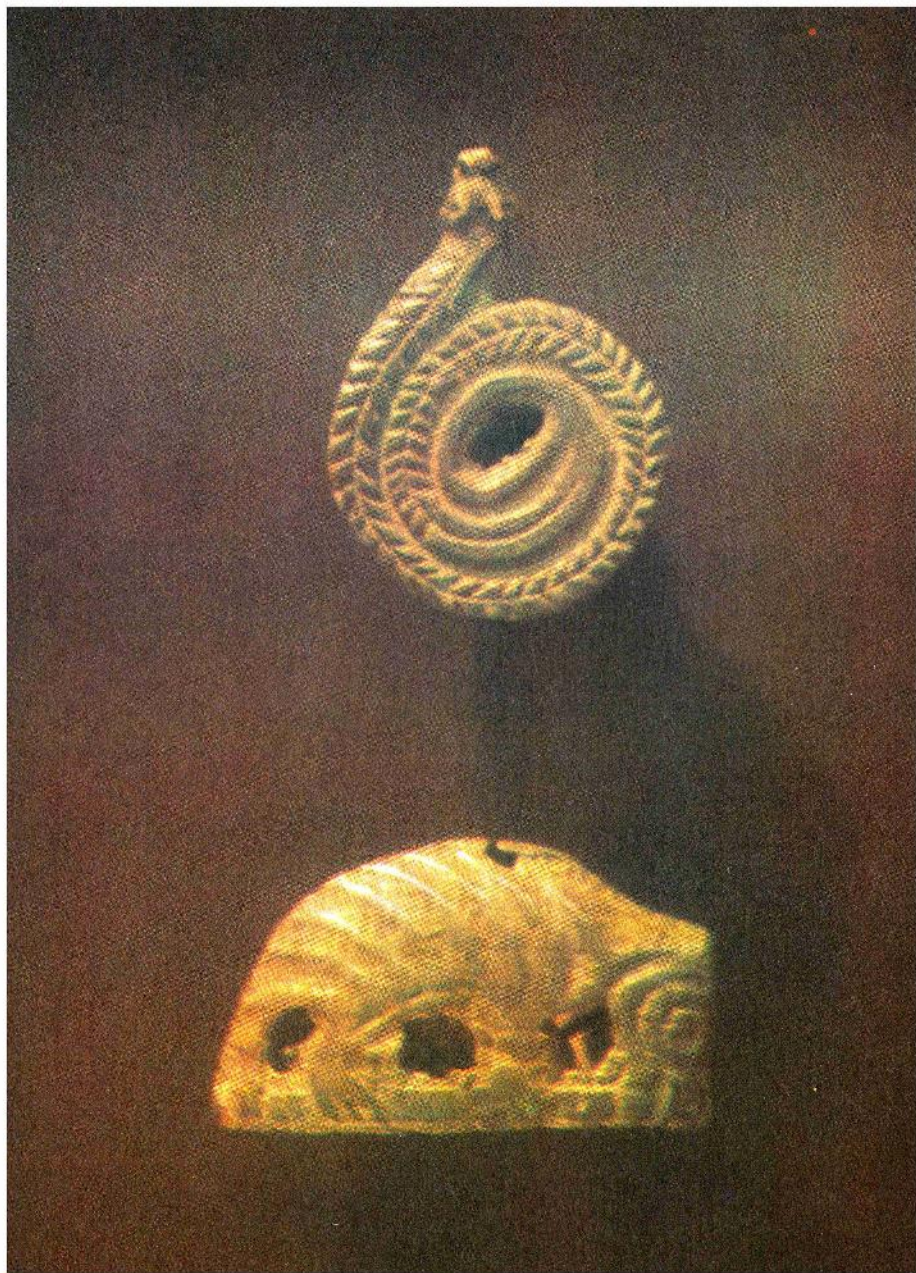




а. Изображение свернувшейся змеи. VIII—IX вв.



б. Фигурка крупного животного. VII—VIII вв.

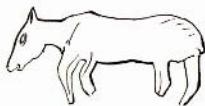




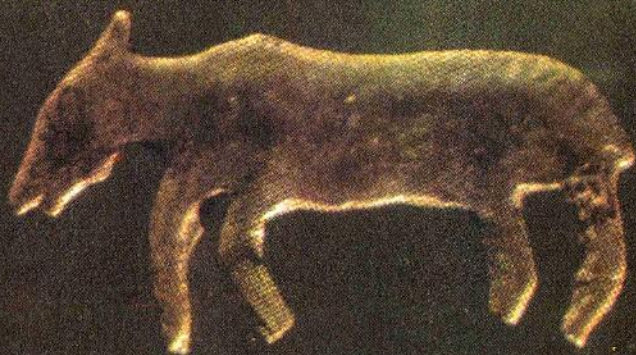
а. Поясная ажурная бляшка с изображением оленя. VII—VIII вв.



б. Подвеска — фигурка животного. I—III вв.

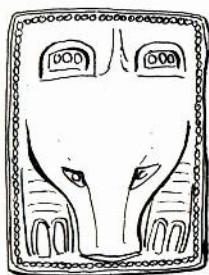


в. Плоская фигурка лося. VII—VIII вв.

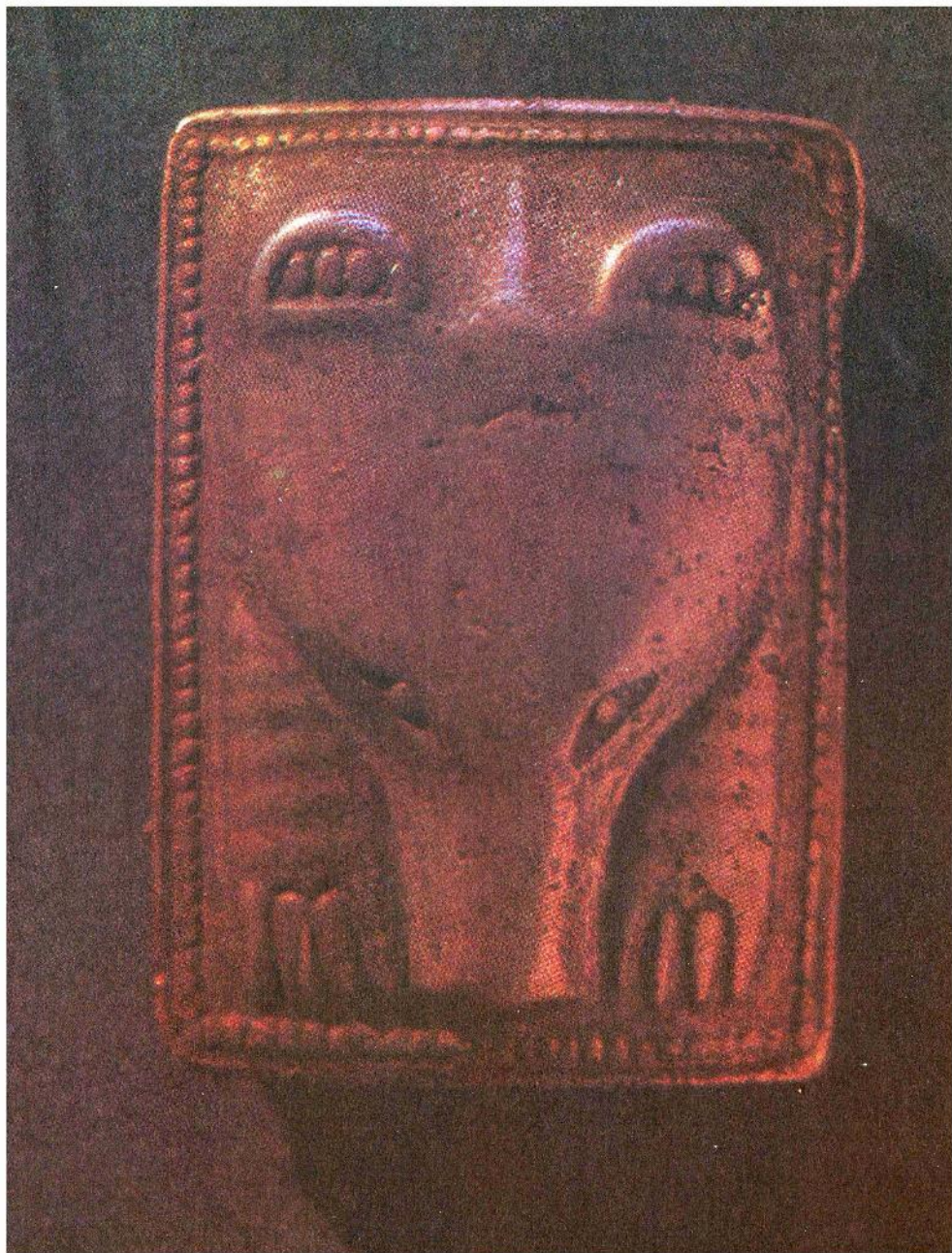


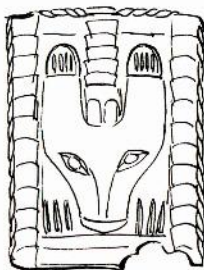
II. МЕДВЕДЬ В МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ СКУЛЬПТУРЕ

25

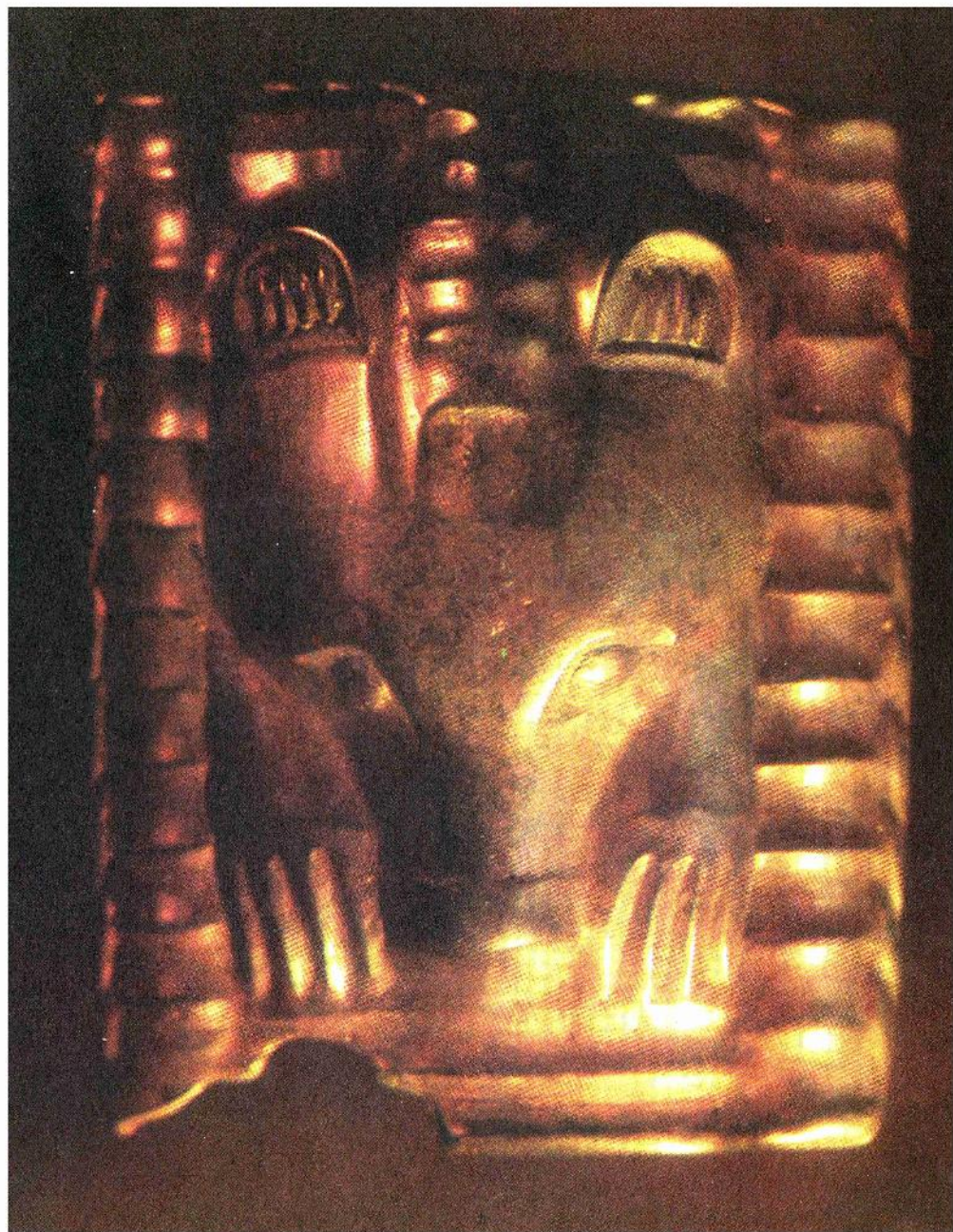


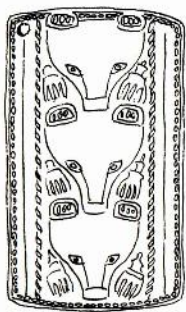
Бляха с изображением головы медведя, лежащей между лапами. II—III вв.



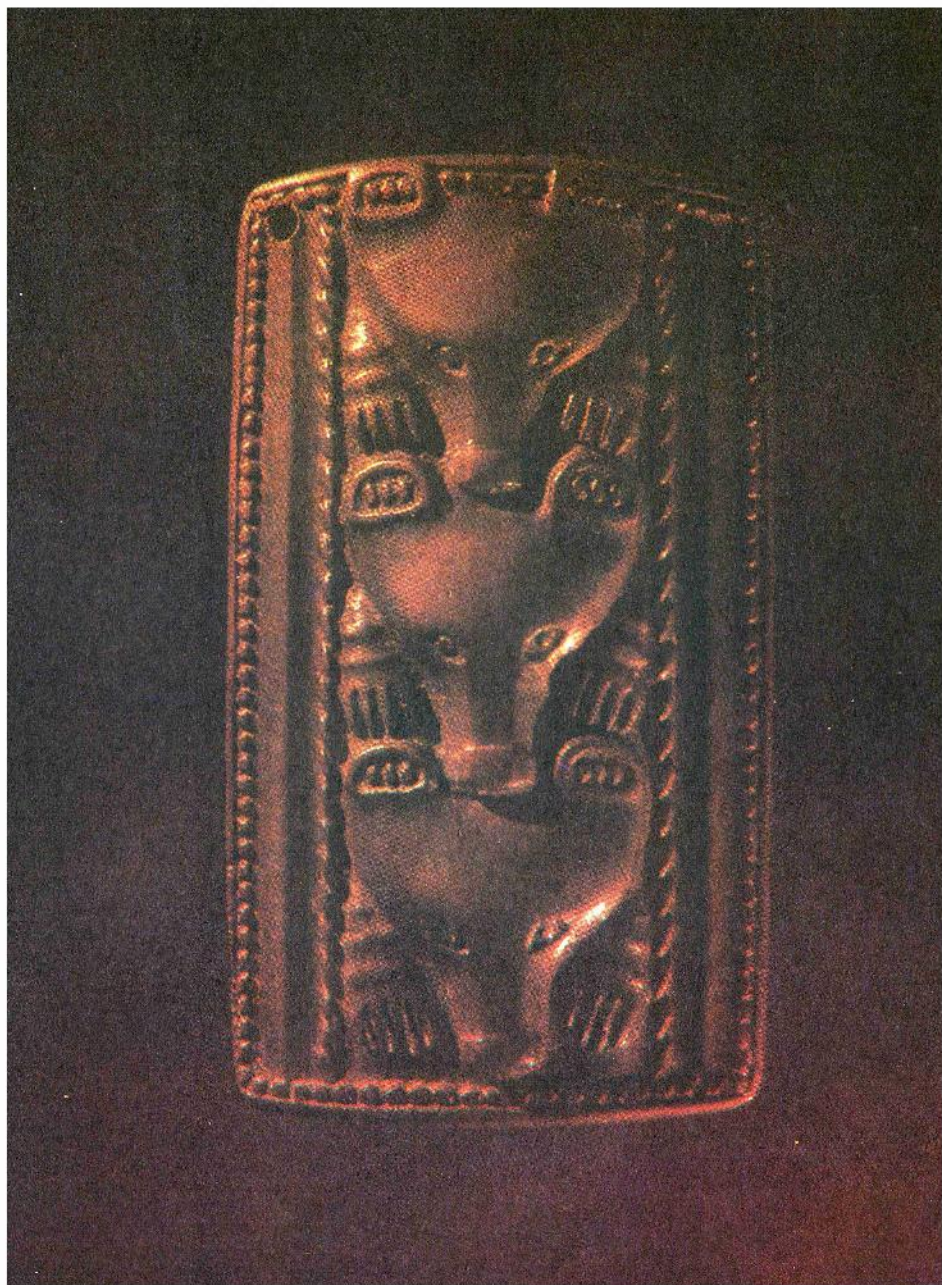


Бляха с изображением медведя в жертвенной позе. IV—V вв.





Бляха с изображением трех медвежьих голов. V—VII вв.





Полая пронизка — фигурка медведя. VII—
VIII вв.





а. Бляха с изображением трех медвежьих голов. VI—VII вв.

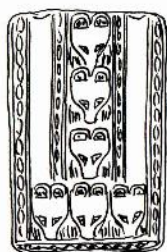


б. Поясная пряжка с изображением головы медведя. X в.

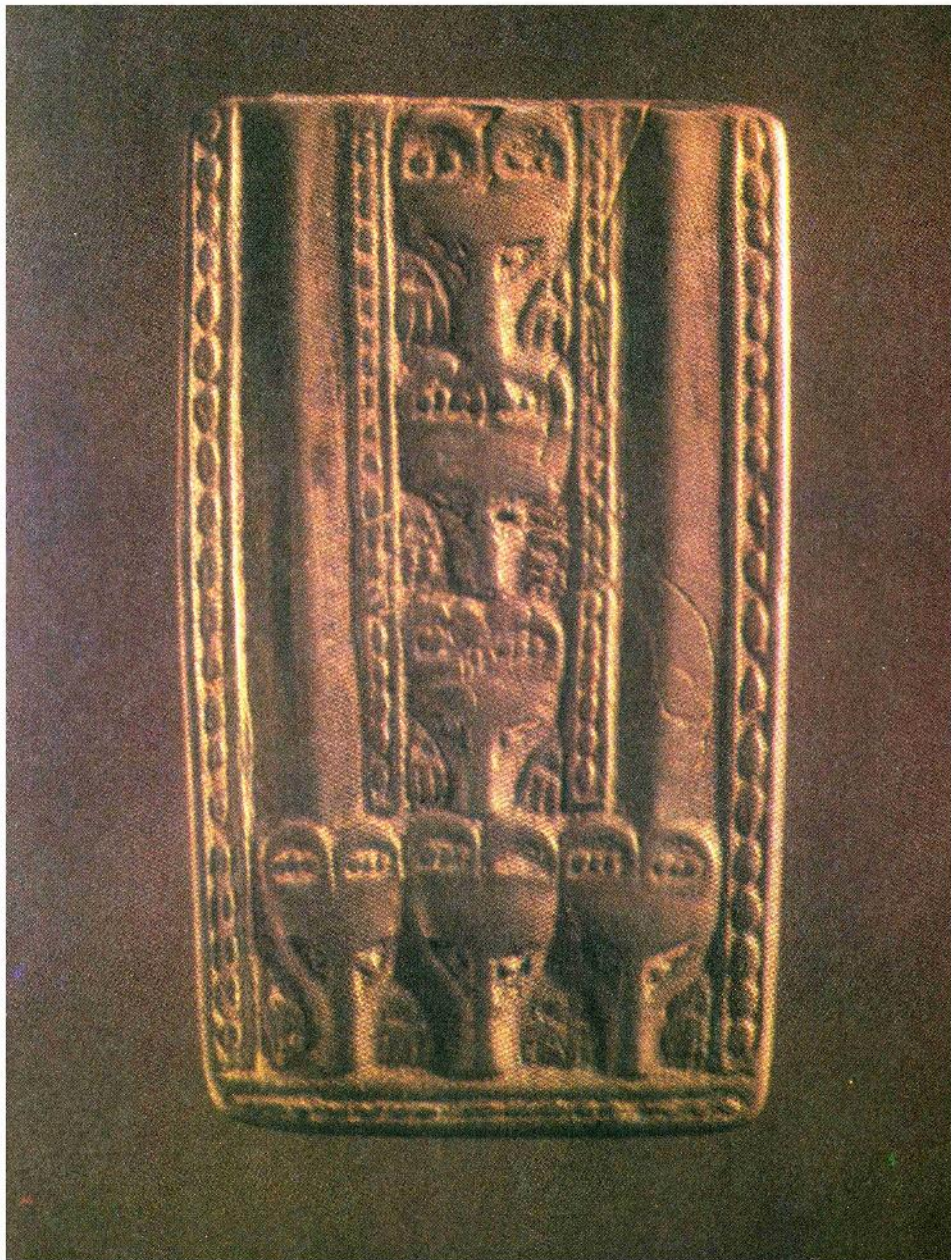


в. Плоская фигурка идущего медведя. VII—VIII вв.





Бляха с изображением шести медвежьих голов. VI—VII вв.





а. Шумящая подвеска с головой медведя.
VIII—IX вв.

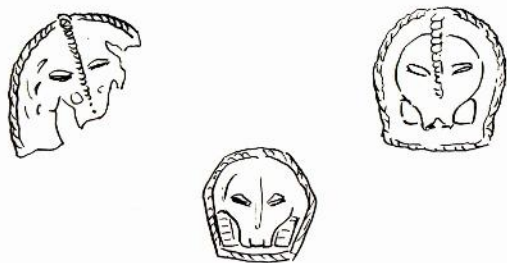


б. Поясная пряжка с головой медведя. X в.

в. Ложка со стилизованным изображением
головы медведя. VII—VIII вв.





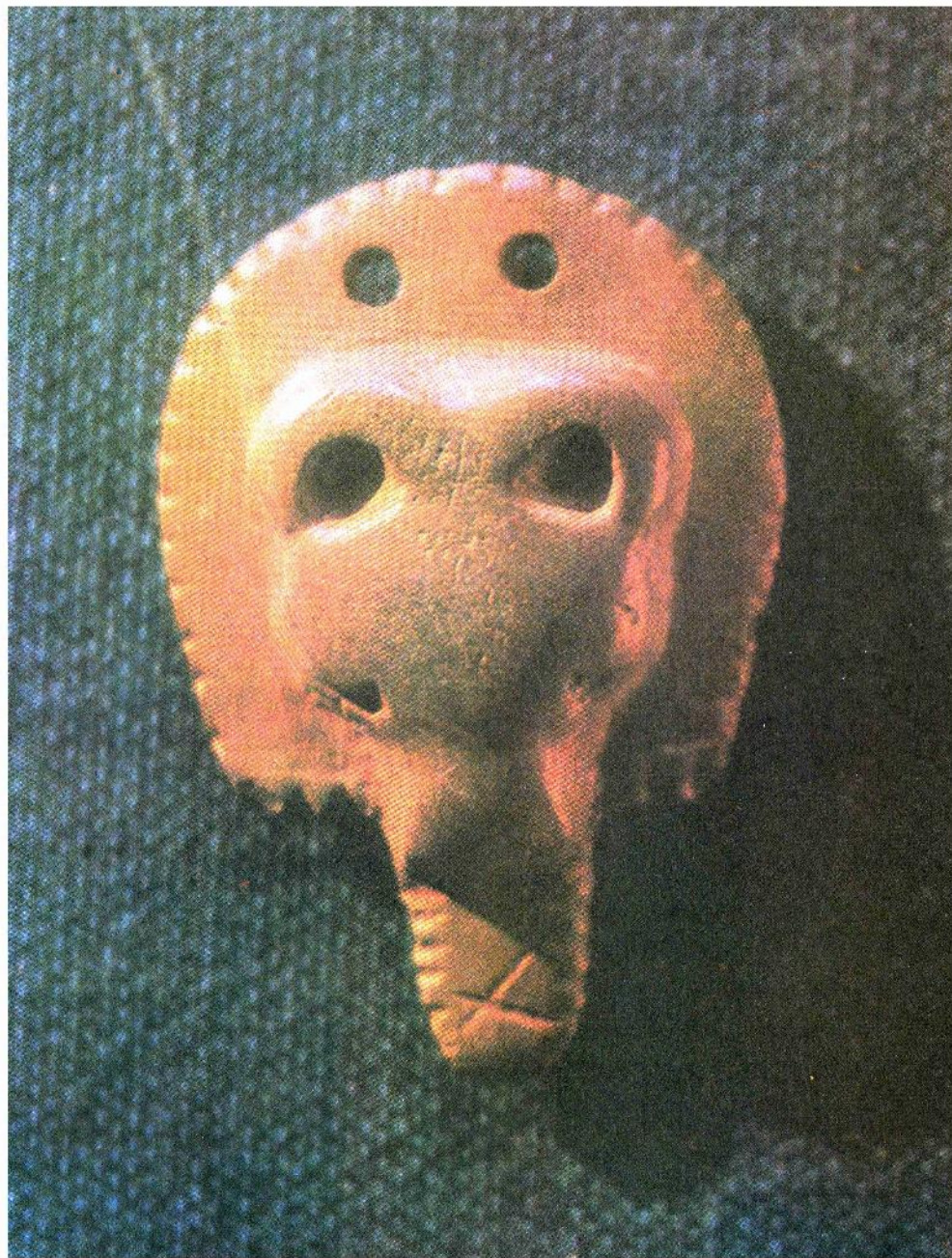


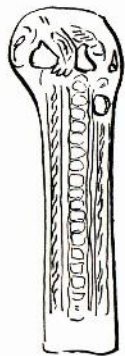
Три выпуклые бляхи с изображением головы медведя. III—V вв.





Поясная бляшка-накладка с изображением
головы медведя. IX—X вв.





а. Навершие кинжала с фигуркой медведя.
V—VI вв.



б. Навершие кинжала с фигуркой животного.
V—VI вв.



III. КОНЬ НА БЛЯШКАХ И ПОДВЕСКАХ

35



а. Подвеска — фигурка лошади. VII—VI вв.
до н. э.



б. Бляшка — фигурка конька — с линейным
орнаментом. VI—VII вв.

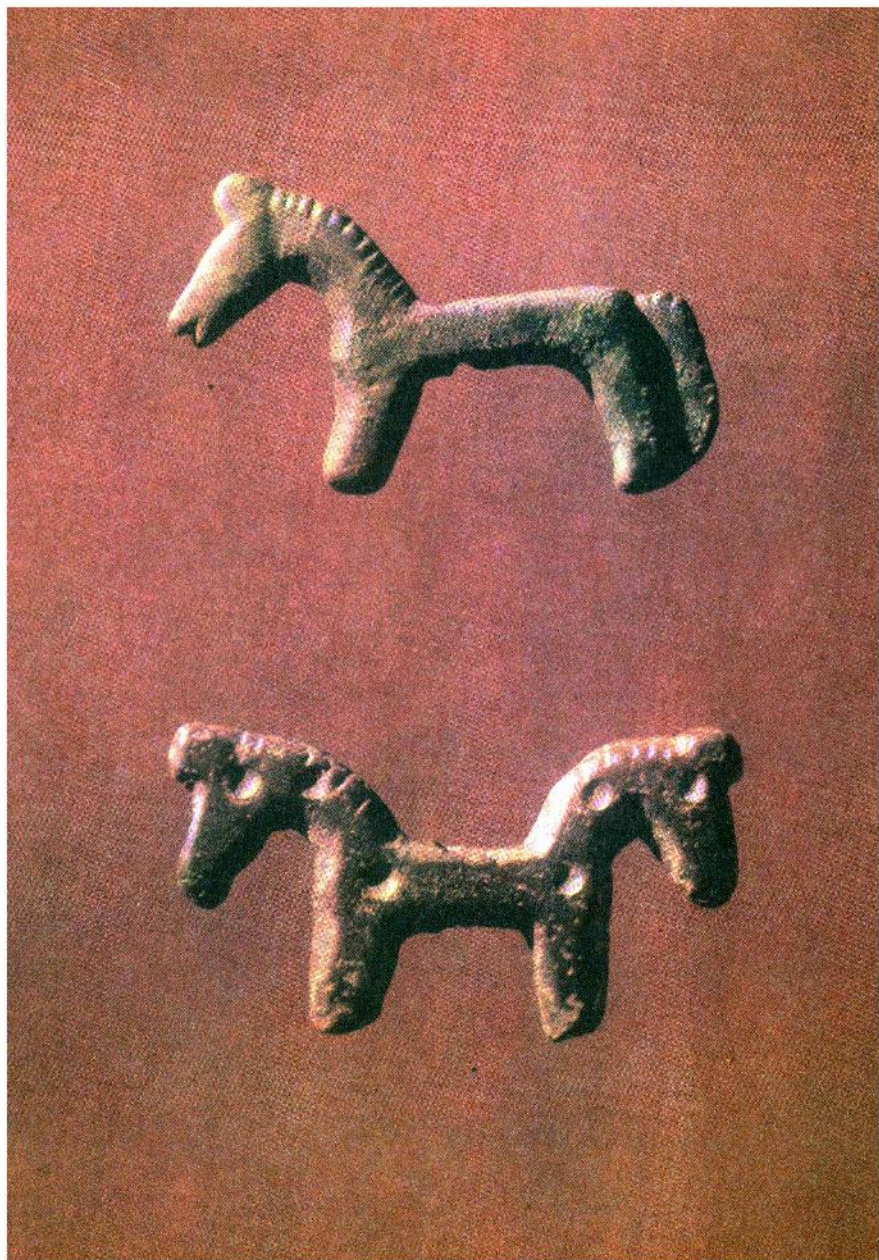




а. Бляшка — фигурка конька. III—V вв.



б. Бляшка — сдвоенные фигурки коней — с точечным орнаментом. IV—V вв.





Коньковая шумящая подвеска. VI—VII вв.

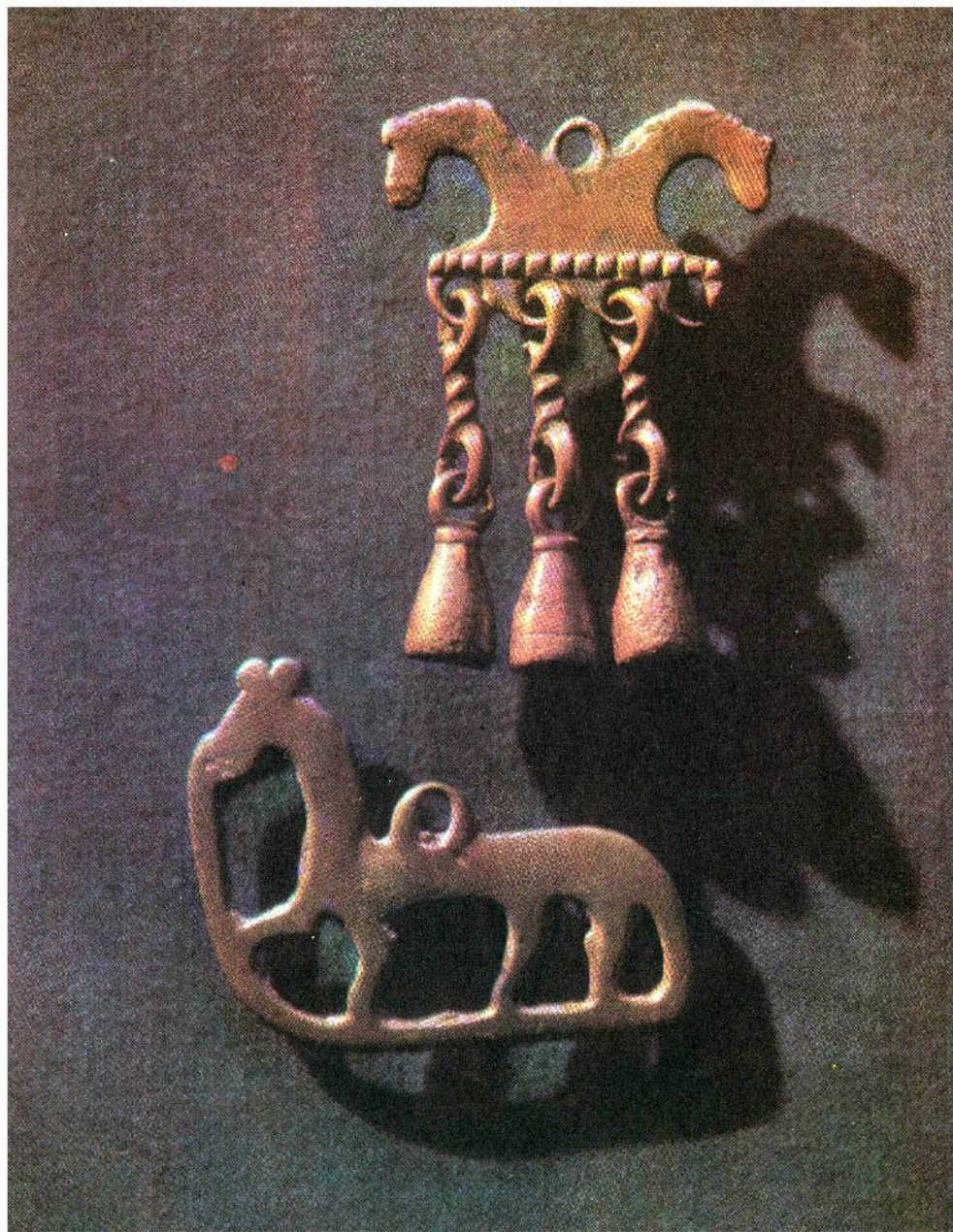




а. Коньковая шумящая подвеска. IX—X вв.



б. Подвеска в виде фигурки коня. IX—X вв.





Полая пронизка — фигурка коня. XII—
XIII вв.





а. Основа шумящей коньковой подвески.
VIII—IX вв.



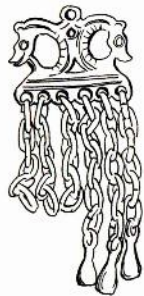
б. Навершие кресала в виде двух конских
голов. X в.





а. Коньковая шумящая подвеска
с человеческой личиной. XI в.

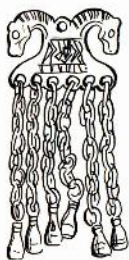
б. Коньковая шумящая подвеска.
IX—X вв.







а. Коньковая шумящая подвеска с привесками — гусиными лапками. IX в.



б. Коньковая шумящая подвеска. X в.

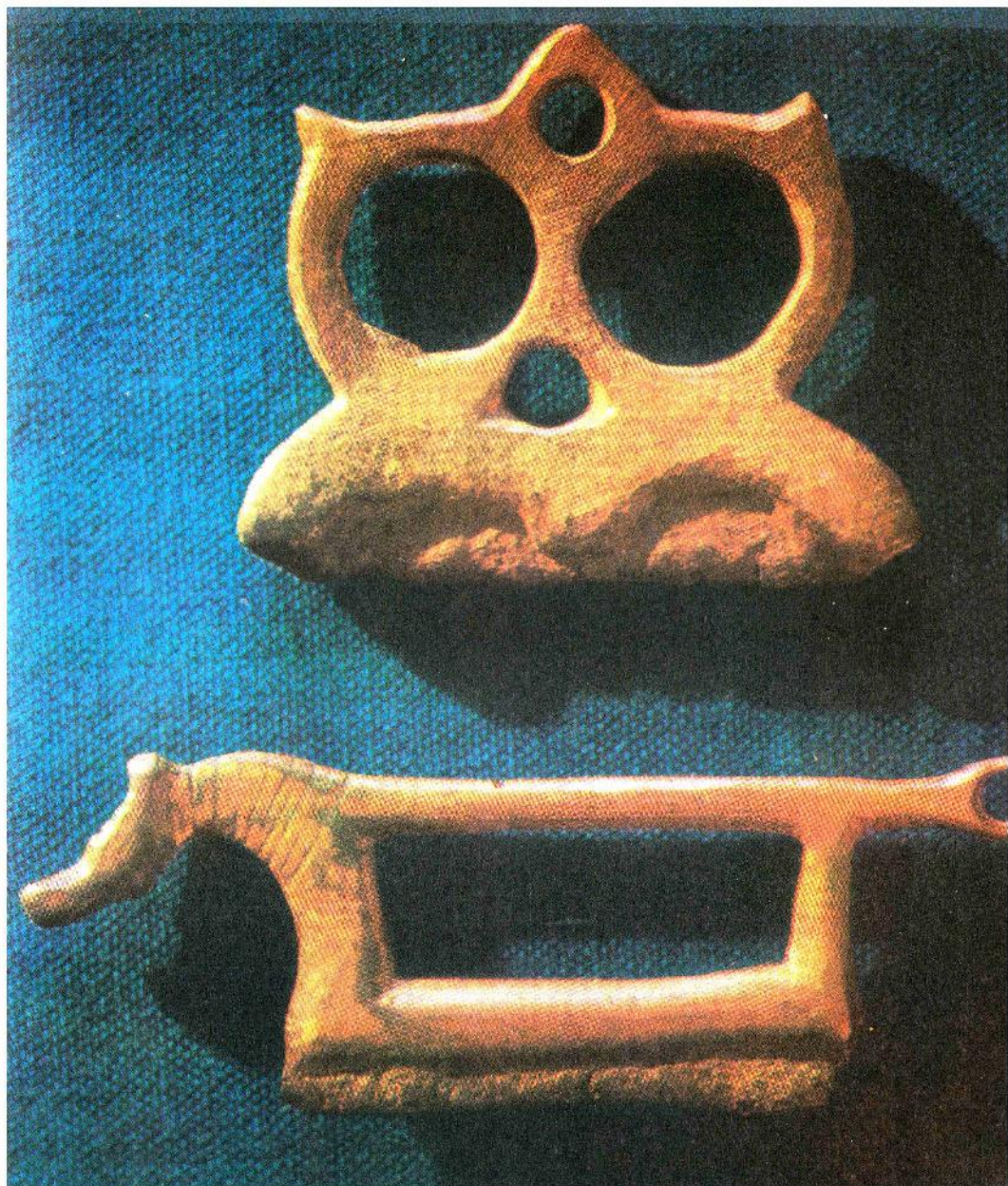




а. Навершие кресала со стилизованными головами двух коней. X в.



б. Навершие кресала в виде стилизованной фигуры коня. XI в.





а. Бляшка-накладка поясного набора в виде фигурки коня. IV—V вв.



б. Бляшка в виде фигурки коня с большой головой. VII—VIII вв.



IV. ЯЩЕРЫ, ЧЕЛОВЕКОЛОСИ И ЛОСИ

45



а. Бляха с изображением ящериц вокруг человеческой личины. VIII—IX вв.



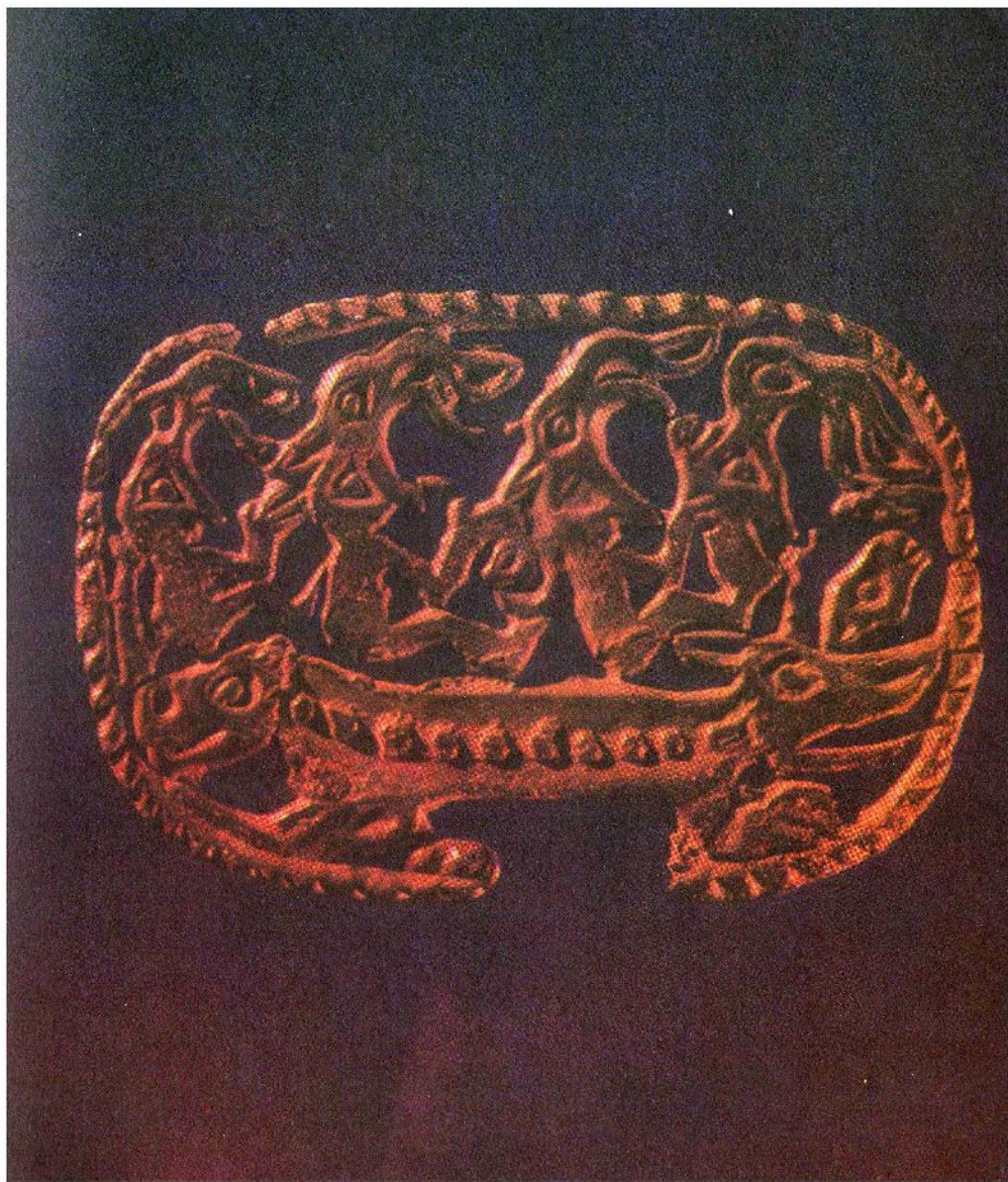
б. Изображение двух ящеров друг над другом. VII—VIII вв.



46



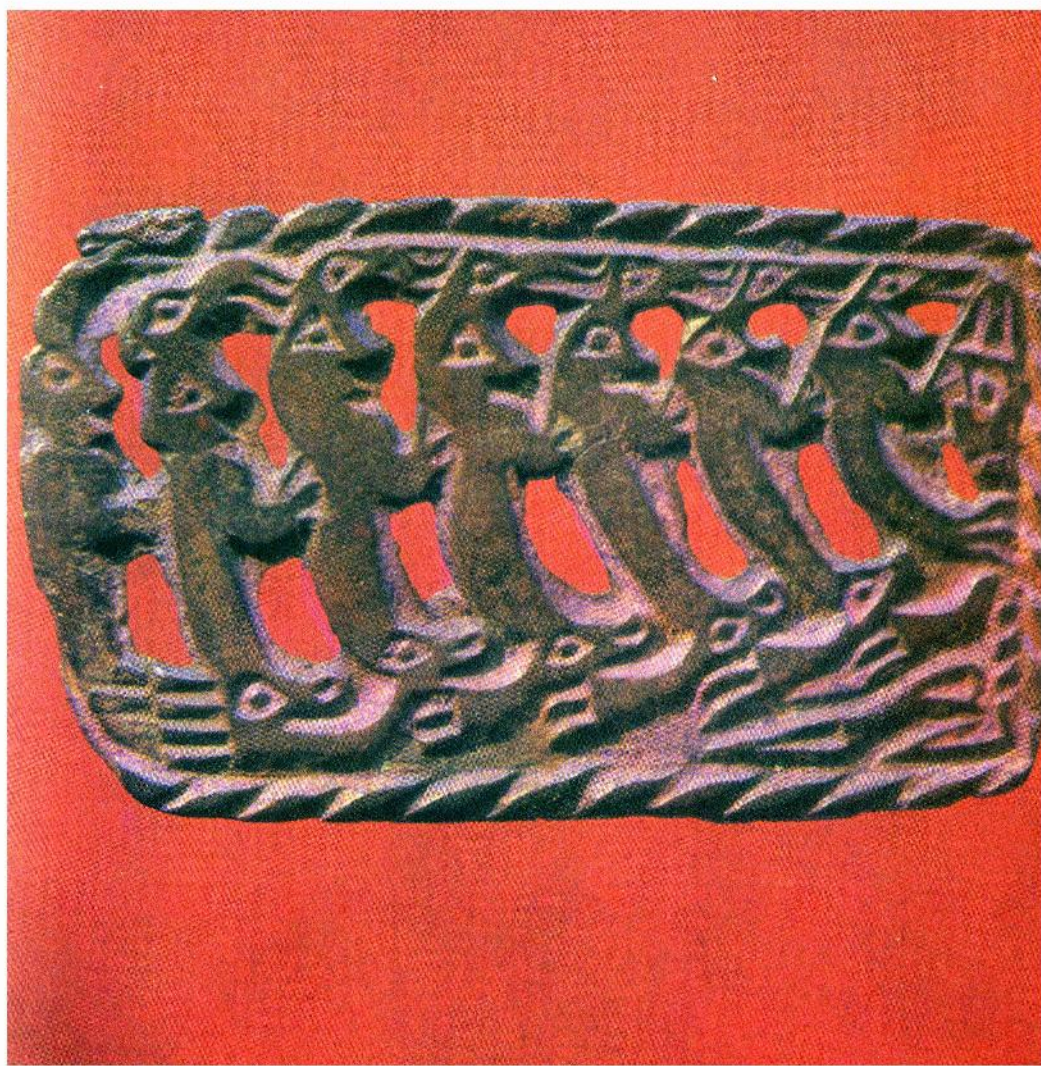
Ажурная бляха с изображением человеколо-
сей, стоящих на ящере. VII—VIII вв.



47



Ажурная бляха с изображением семи чело-
веколось. VII—VIII вв.



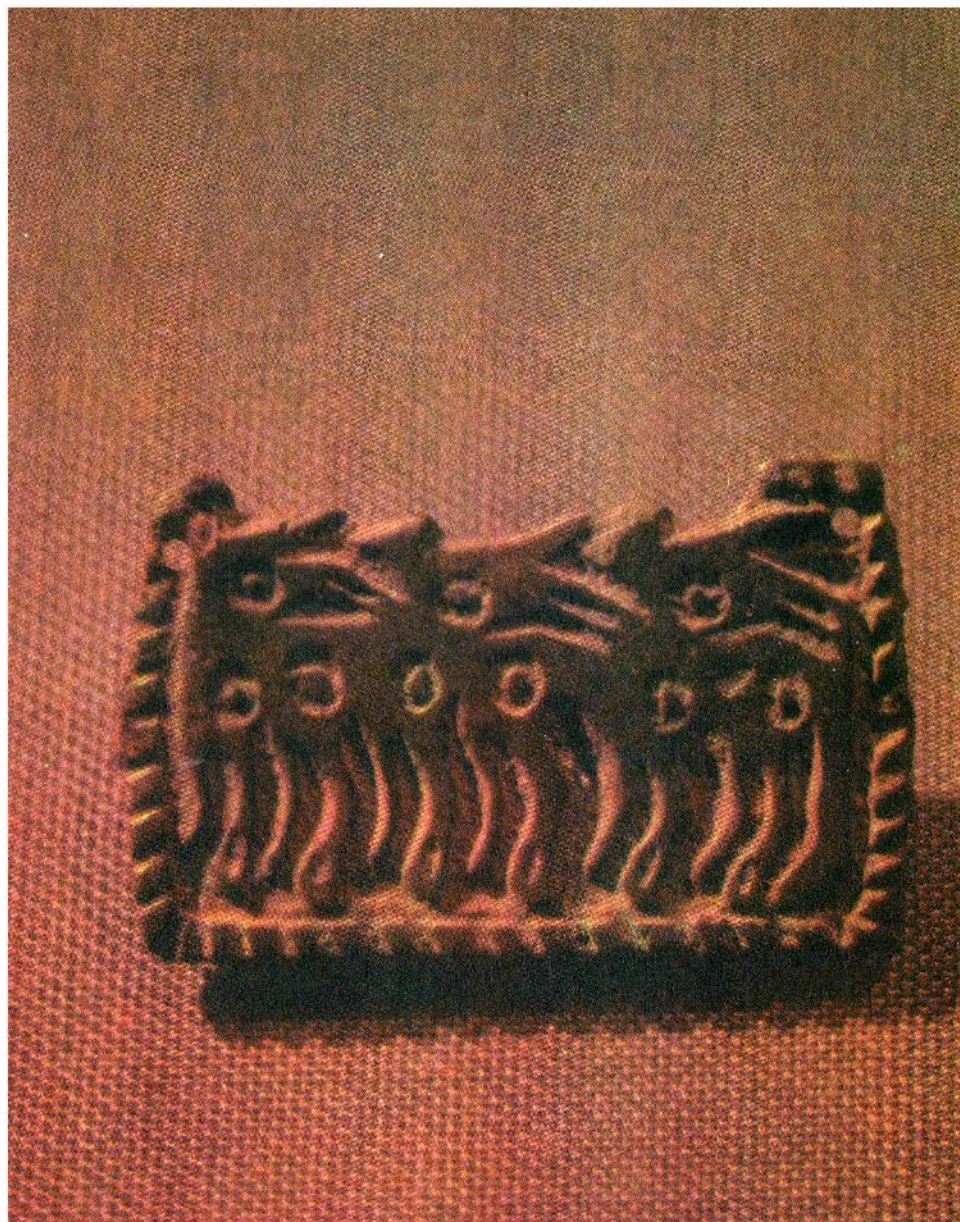


Часть бляхи, изображающей борьбу лося с хищным животным. VII—VIII вв.





Бляха с лосиными головами. VII—VIII вв.





Бляха с изображением борьбы животных.
VII—VIII вв.

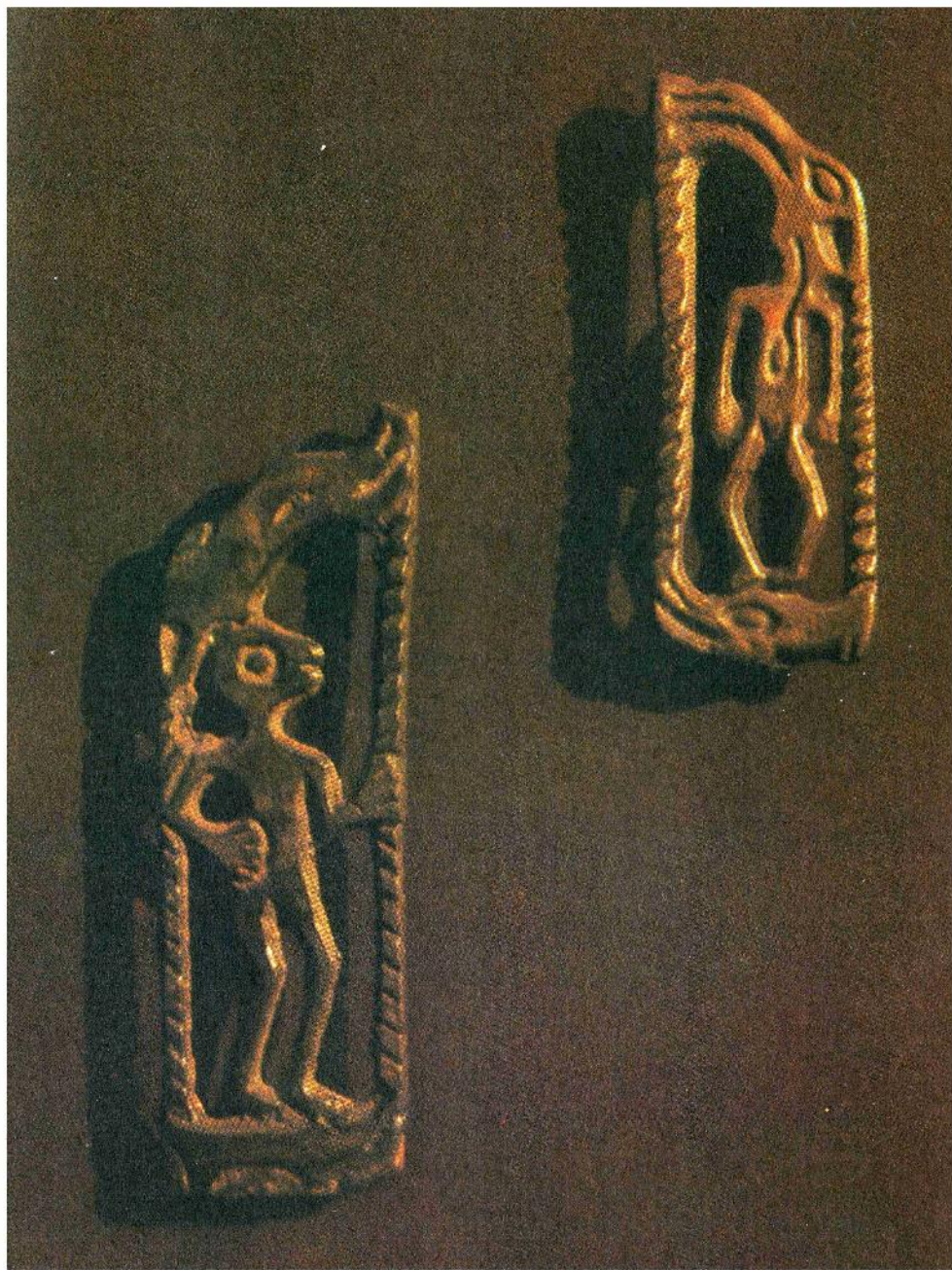




а. Бляха с изображением человеколосья, стоящего на голове ящера. VI—VII вв.



б. Человеколось, стоящий на ящере. VII—VIII вв.

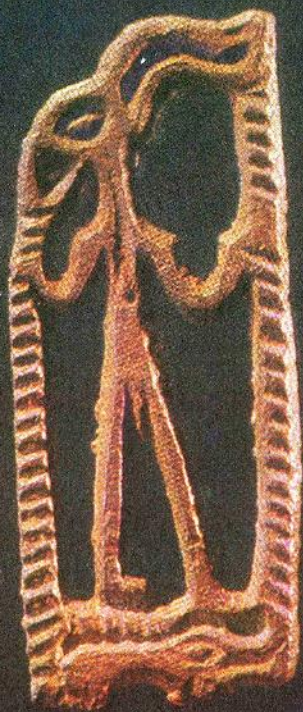




а. Чело́веколось, VI—VII вв.



б. Чело́веколось с орнаментированным поя-
сом. VII—VIII вв.





а. Фигура женщины с ожерельем, в окружении чело́веко́сей. VII—VIII вв.

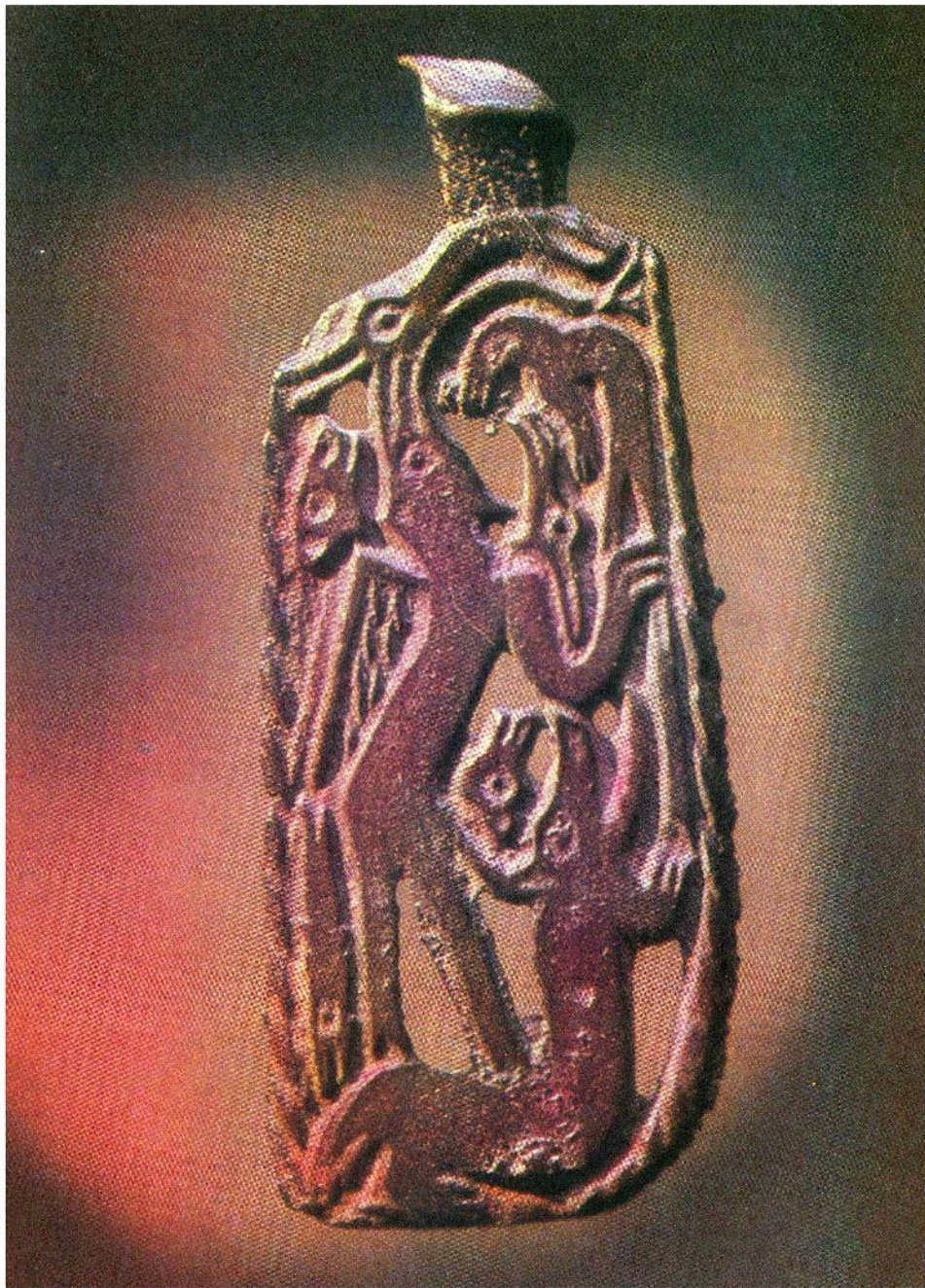


б. Чело́веко́лось, стоящий на ящере. VII—VIII вв.





Бляха с фигурой человекокося в окружении животных. VII—VIII вв.

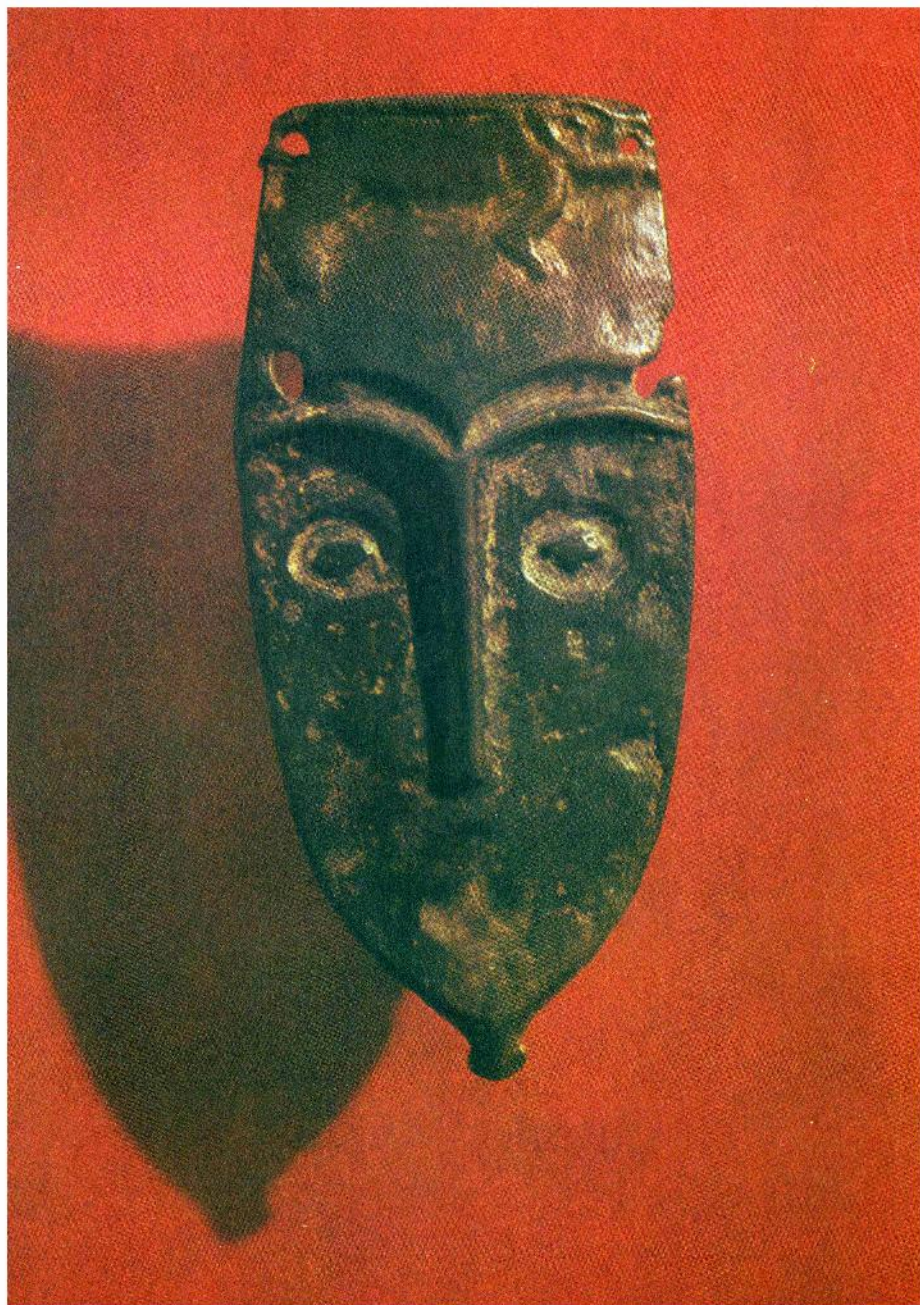


V. ЧЕЛОВЕКОПОДОБНЫЕ ИДОЛЫ

55



Женская личина с изображением животного
на лобной части лица. VIII—IX вв.



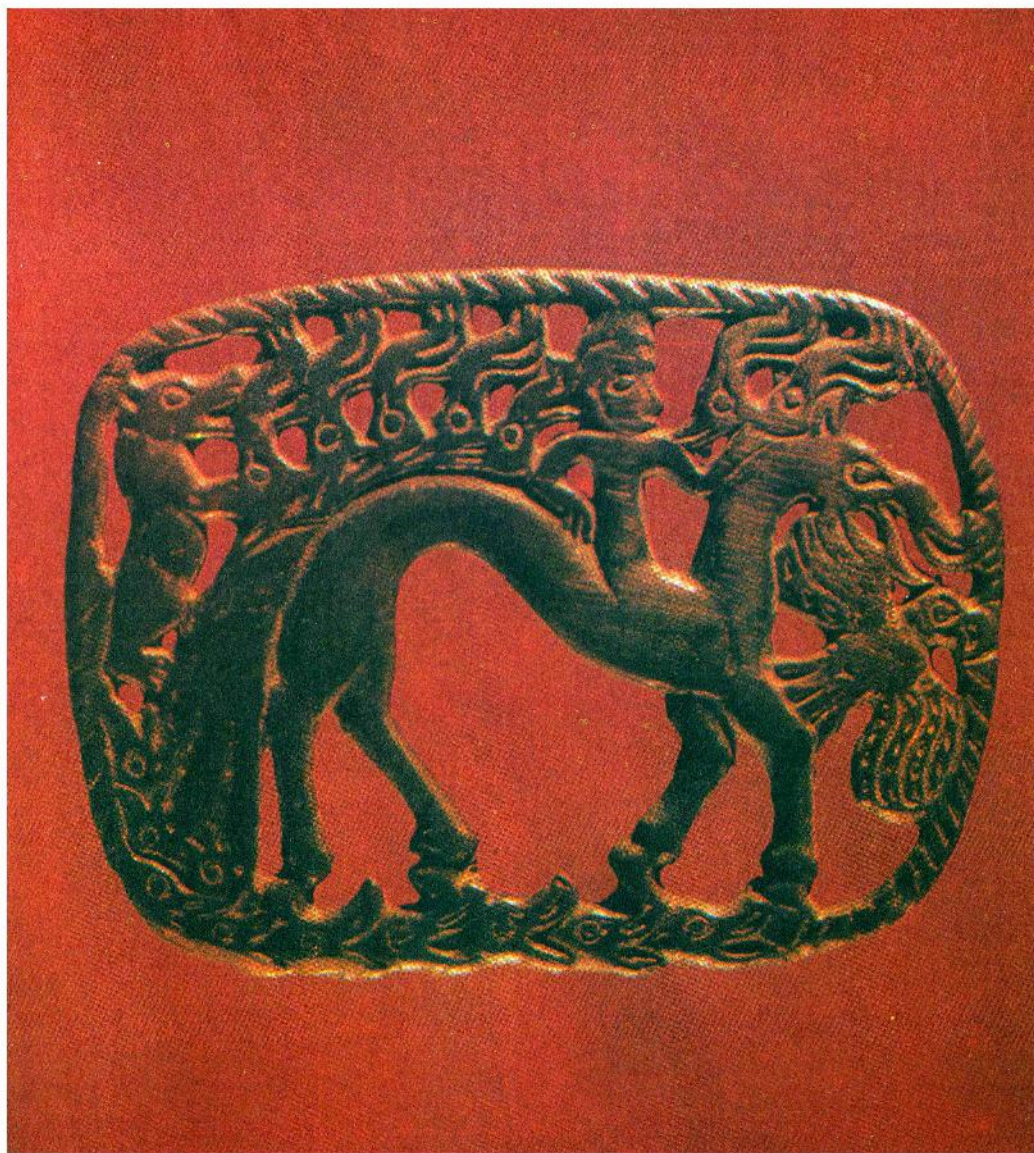


Бляха с человеческой личиной в окружении
стилизированных фигур лосей. VIII—IX вв.





Ажурная бляха с изображением всадника в
окружении животных, птиц и лосиных голов.
V—VI вв.





Человеческая личина в окружении человеко-
лосей, VII—VIII вв.



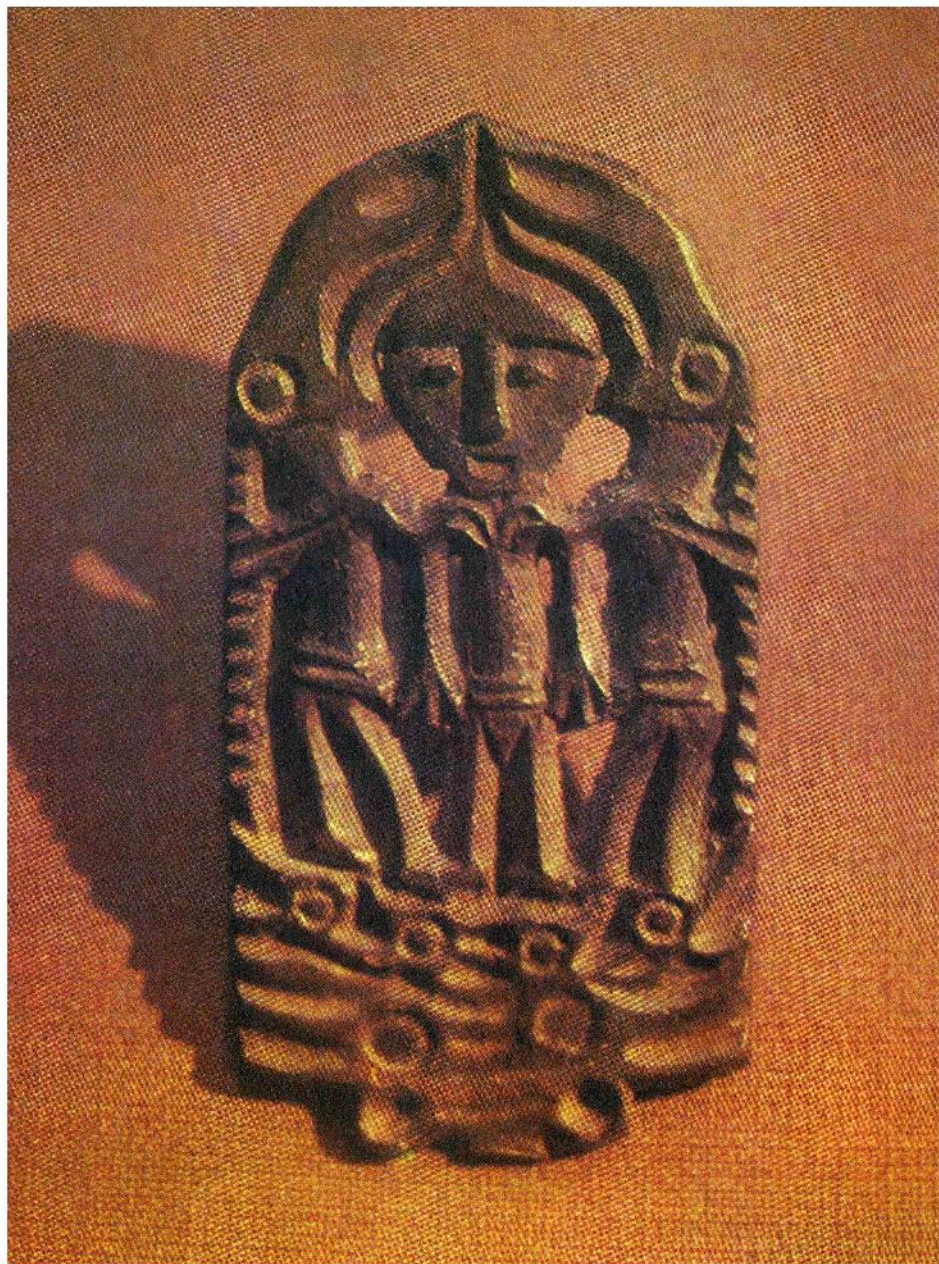


Женская фигура в окружении человеко-
сей. VIII—IX вв.





Человек в окружении человекокошей, стоя-
щий на головах ящеров. VIII—IX вв.





а. Две человеческие фигуры в позе экстаза. VIII—IX вв.



б. «Семейное счастье» — три человеческие фигуры в окружении челоколосей. VIII—IX вв.





а. Божество плодородия в окружении чело-
веколосьев и колосьев. VIII—IX вв.

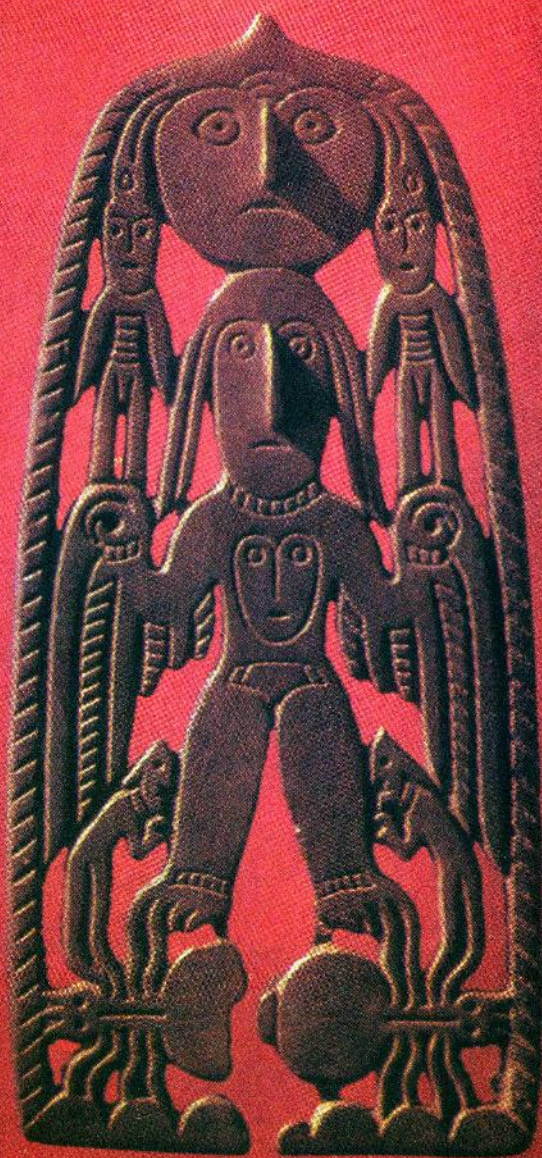


б. Семейная пара с ребенком и колосьями в
руках. VIII—IX вв.



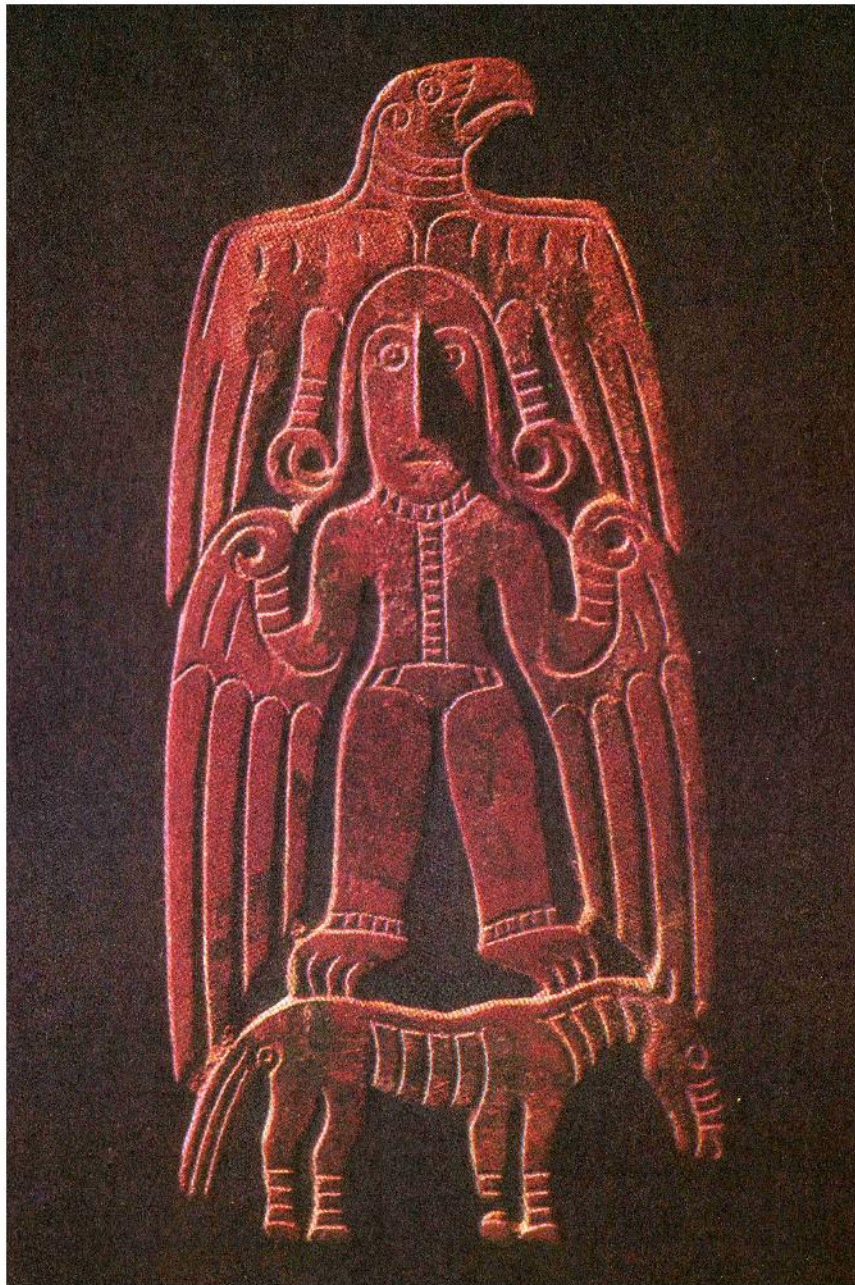


Женское божество с птичьими крыльями в
окружении человеческих фигур. VII—
VIII вв.





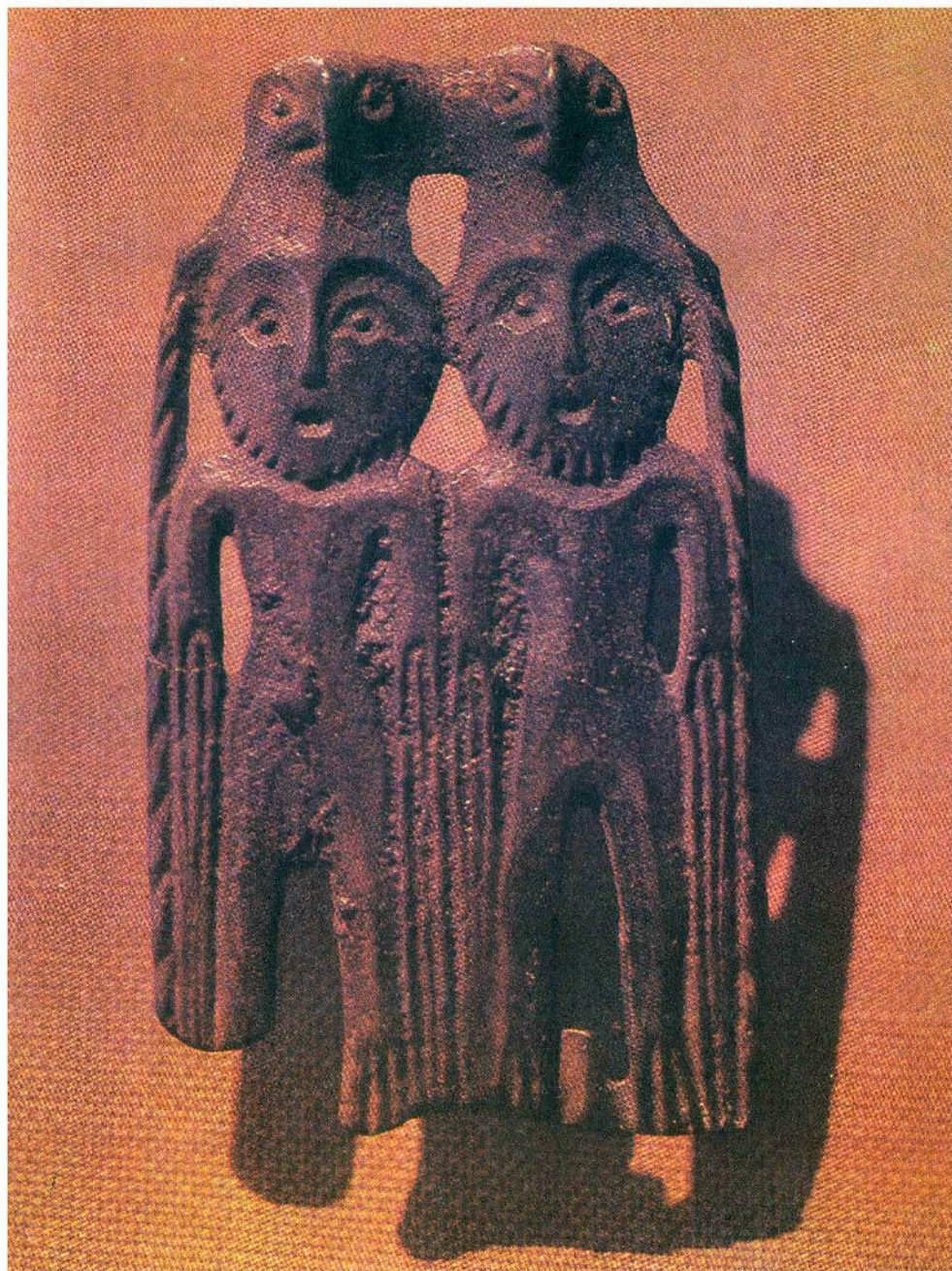
Женское божество с птичьими крыльями,
стоящее на лошади. VII—VIII вв.



65

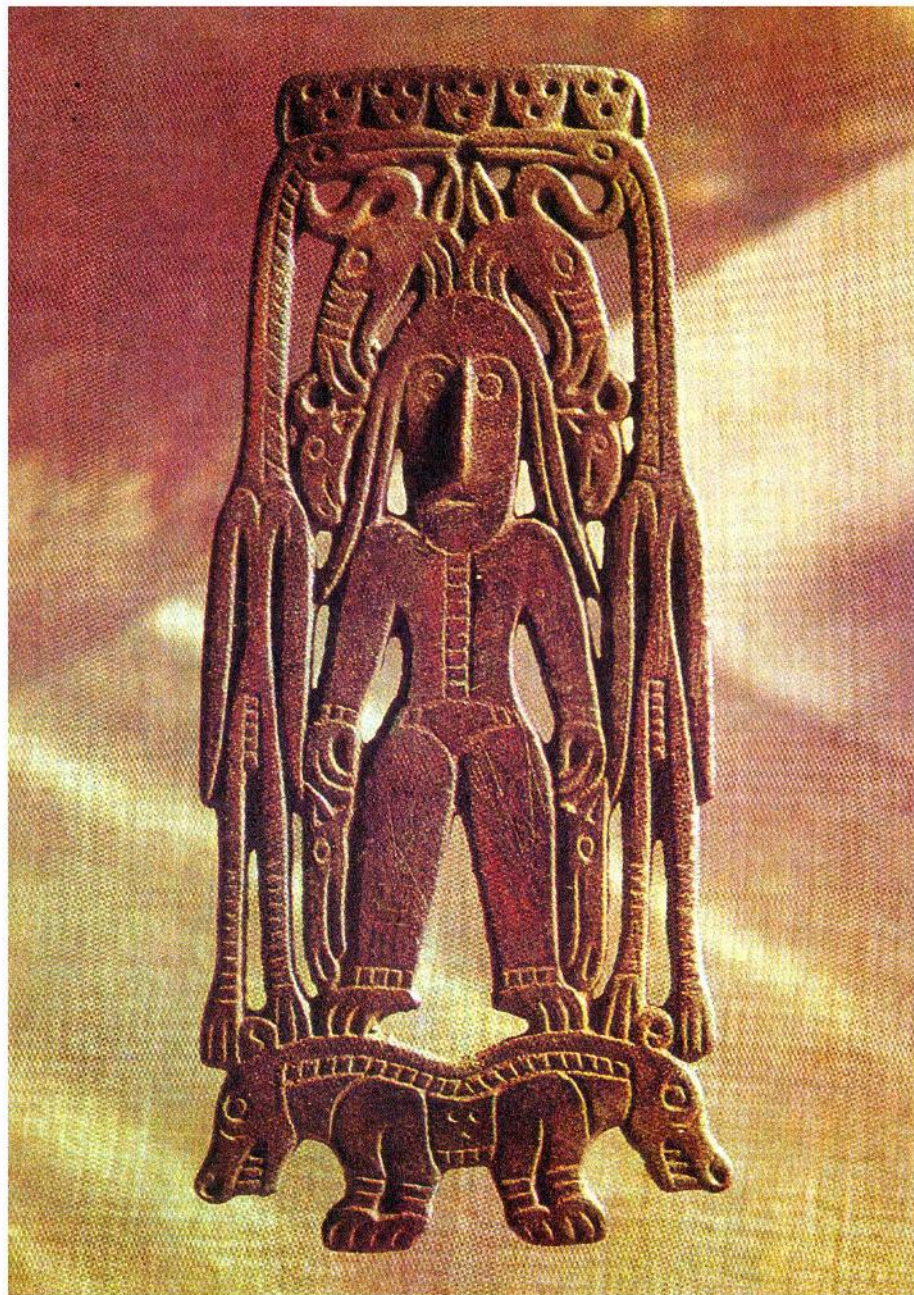


Две мужские фигуры, увенчанные головами хищных птиц. VIII—IX вв.





Женское божество, стоящее на двухголо-
вом животном. VII—VIII вв.



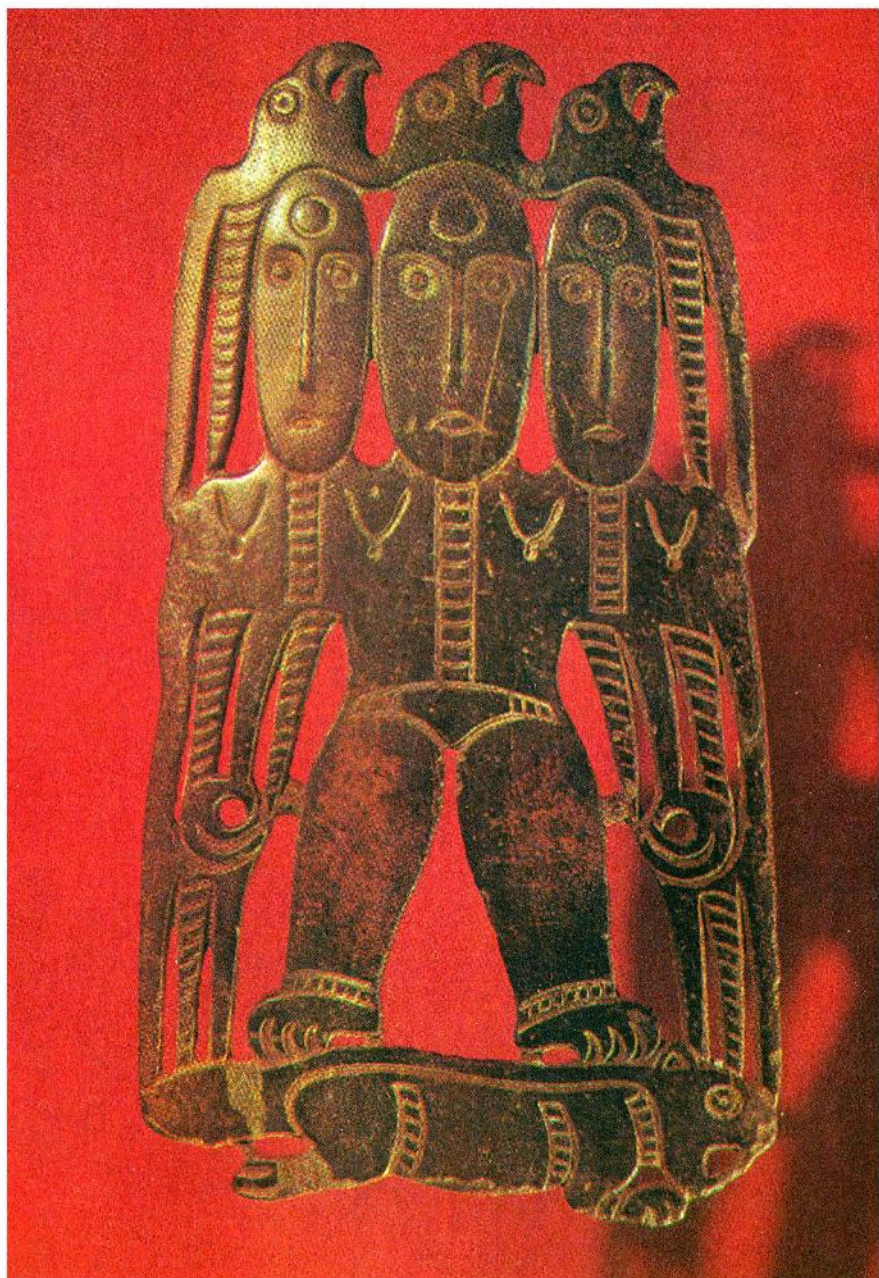


Женское божество, стоящее на двух лосях.
VII—VIII вв.



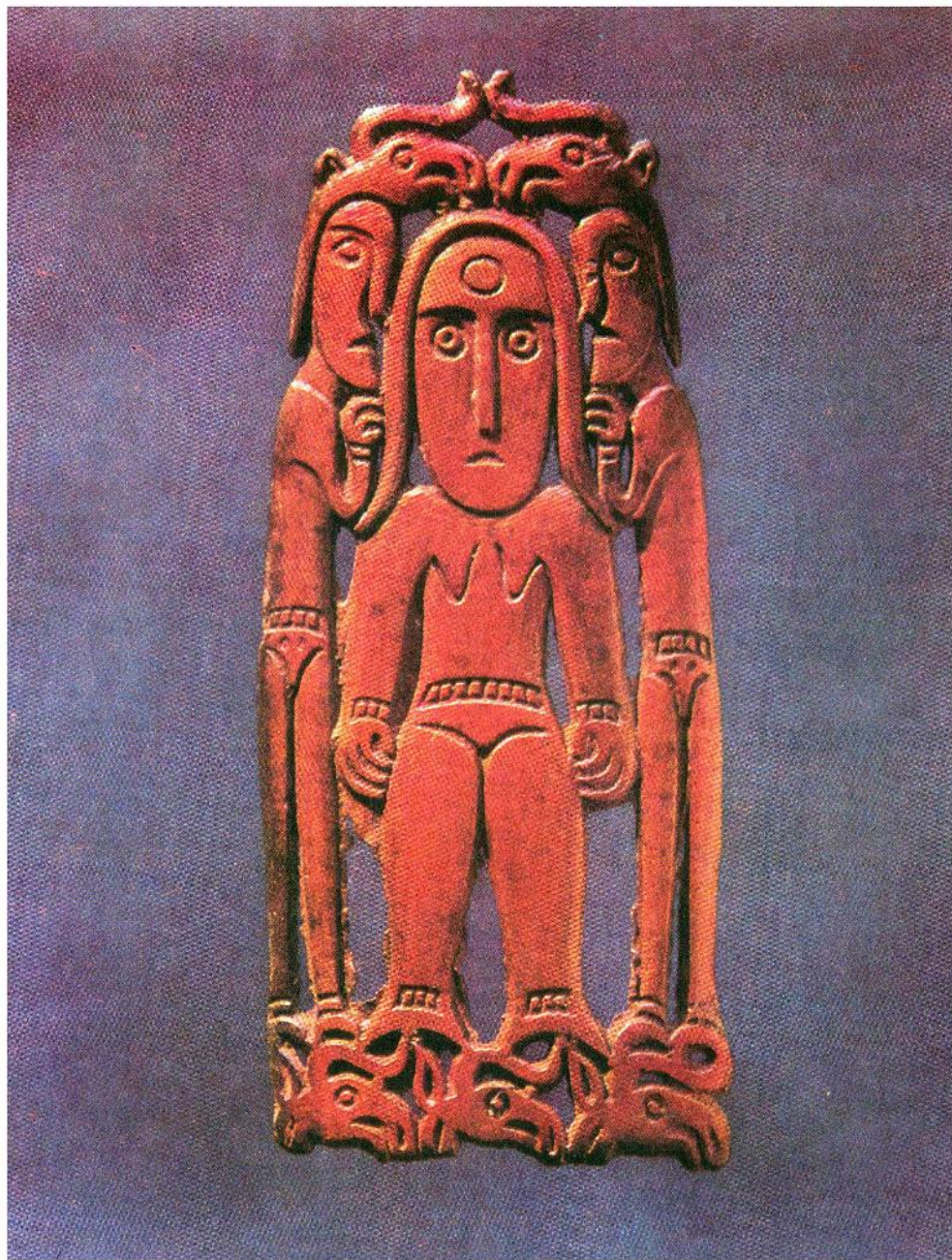


Трехголовое женское божество, стоящее на бобре. VIII—IX вв.



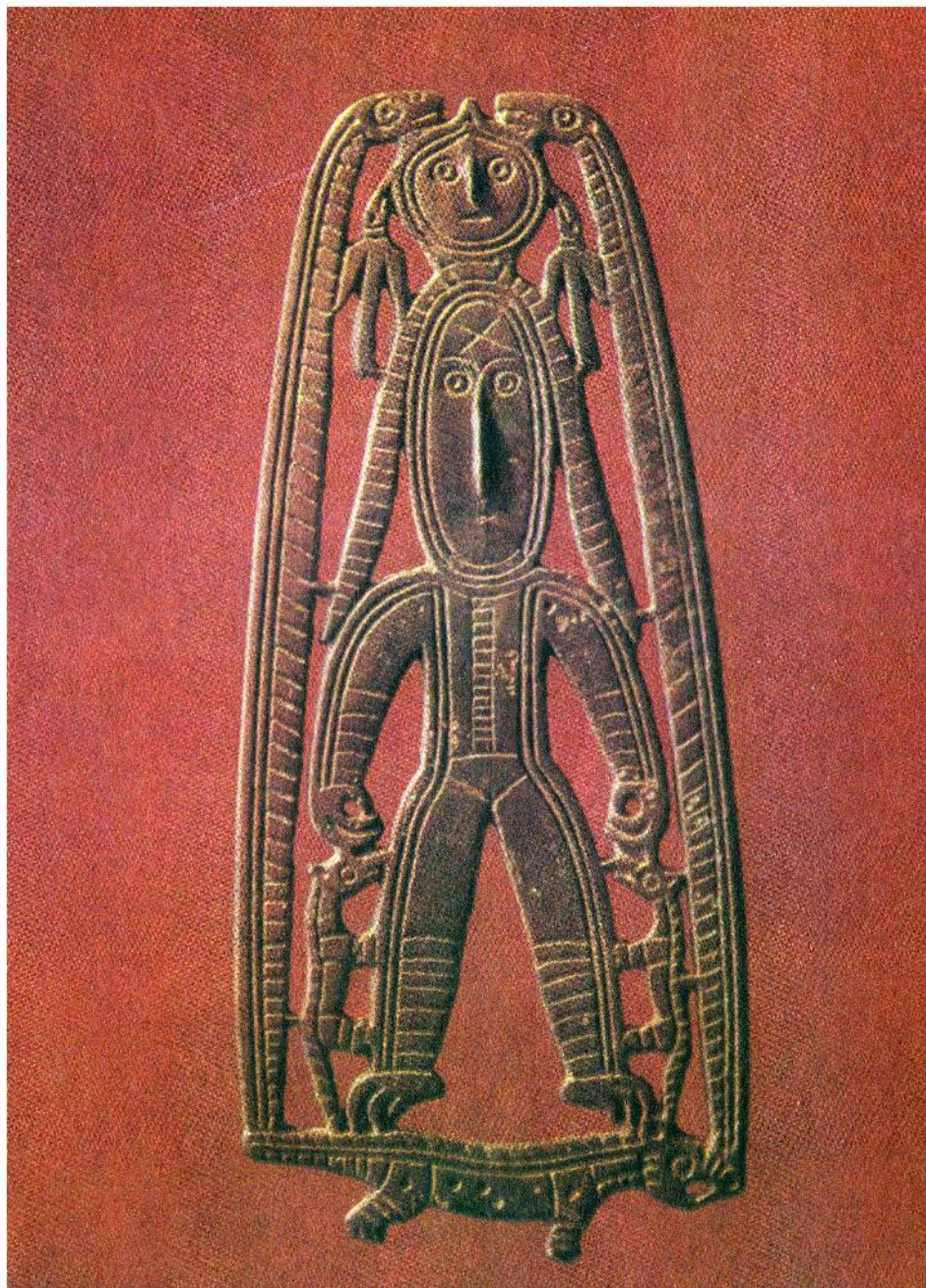


Женское божество в окружении двух человеческих фигур. VI—VII вв.





Женское божество в окружении лошадей и птиц, стоящее на ящере. VII—VIII вв.



ПРИЛОЖЕНИЕ



1

Птицевидный идол с головами лосей на крыльях и мужской личиной на груди. VI—VIII вв.

Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *h* 10, 9.

2

Птицевидный идол с человеческой личиной на груди. VIII—IX вв.

Чердынский район *, д. Горбуново, Чердынский краеведческий музей, *h* 8,3.

3

Человекоподобный идол с птичьими крыльями и четырьмя головами. I—III вв.

Чердынский район, д. Усть-Язьва, Чердынский краеведческий музей, *h* 16,3.

4

Птицевидная подвеска, орнаментированная кружками. VI—VIII вв.

Пермский областной краеведческий музей, *h* 4, 6.

5

Птицевидный идол с линейным орнаментом на крыльях и туловище. IX—X вв.

Пермский областной краеведческий музей, *h* 10, 5.

6

Трехголовый птицевидный идол с лосиными головами и мужской личиной на груди. VIII—IX вв.

Гайнский район, Пермский областной краеведческий музей, *h* 9, 1.

7

Идол в виде человеческой фигуры с птичьими крыльями. I—III вв.

Пермский район, Гляденовское костыще, раскопки Н. Н. Новокрещенных, Пермский областной краеведческий музей, *h* 14, 4.

8

Фигурки летящих птиц. I—III вв.

Пермский район, Юго-Камское костыще, раскопки Ю. А. Полякова, кабинет археологии Пермского государственного университета, *h* 4, 9; 4, 3; 3, 7.

9

а. Фигурка летящей птицы, похожей на сову или филина. X в.

Юсьвинский район, д. Загарье, Пермский областной краеведческий музей, *h* 5,2.

б. Фигурка летящей птицы. X в.

Юсьвинский район, Загарский могильник, раскопки Ф. А. Теплоухова, Пермский областной краеведческий музей, *h* 3, 9.

* Здесь и далее указаны районы Пермской области.

- в. Сильно стилизованная фигурка птицы. XI—XII вв.
Чусовской район, селище Телячий Брод, раскопки В. А. Оборина, кабинет археологии Пермского государственного университета, *h* 4, 1.

10

Фигурка летящей птицы с ушком для подвешивания. X—XI вв.
Гайнский район, д. Харино, Пермский областной краеведческий музей, *h* 5, 8.

11

- а. Полая птицевидная шумящая пронизка. XI—XII вв.
Пермский областной краеведческий музей, *h* 6, 2.
б. Плоская шумящая подвеска с двумя птичьими головами и привесками — гусиными лапками. XI в.
Кудымкарский район, Кудымкарское городище, Пермский областной краеведческий музей, *h* 6, 7.
в. Птицевидный идол с изображением человеческой фигуры и лошади. XII—XIII вв.
Кудымкарский район, Кудымкарское городище, Пермский областной краеведческий музей, *h* 6, 8.

12

- а. Фигурка летящей птицы. X—XI вв.
Юсьвинский район, Мартыново городище, Пермский областной краеведческий музей, *h* 4, 1.
б. Птицевидная пронизка с человеческой личиной. VII—VIII вв.
Добрянский район, Больше-Висимский могильник, раскопки В. П. Денисова, Пермский областной краеведческий музей, *h* 7, 1.

13

Медальон-коробочка с шумящими подвесками и изображением двух птиц на крышке. VIII—IX вв.
Чердынский район, Редикорский могильник, раскопки И. А. Лунегова, Чердынский краеведческий музей, *h* 12, 4.

14

Навершие кресала с двумя фигурками птиц и фигурой человека. X в.
Чердынский район, с. Редикор, Пермский областной краеведческий музей, *h* 4.

15

- а. Полая пронизка с головой лося. VI—VII вв.
Пермский областной краеведческий музей, *h* 2, 4.
б. Полая пронизка с головой лося. VI—VII вв.
Ильинский район, д. Марково, Пермский областной краеведческий музей, *h* 2, 9.
в. Полая пронизка с головой лося. VI—VII вв.
Гайнский район, д. Елево, Пермский областной краеведческий музей, *h* 3.

16

- а. Полая пронизка — уточка — с точечным орнаментом. V—VI вв.
Ильинский район, д. Грудята, Пермский областной краеведческий музей, *h* 3.
б. Полая пронизка — фигурка глухаря. VII—VIII вв.
Гайнский район, р. Весляна, Пермский областной краеведческий музей, *h* 4, 9.

- в. Полая пронизка — уточка. VI—VII вв.
Пермский областной краеведческий музей, *н* 2,4.

17

- а. Полая пронизка — крылатый пес. V—VI вв.
Косинский район, д. Пуксиб, Пермский областной краеведческий музей, *н* 8,8.
б. Ложка с изображением головы водоплавающей птицы. VIII—IX вв.
Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 5,8.

18

- а. Пронизка с изображением крылатого пса. VI—VII вв.
Гайнский район, д. Плес, Пермский областной краеведческий музей, *н* 5,2.
б. Пронизка — крылатый пес с двумя головами. VI—VII вв.
Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 8,5.

19

- а. Пронизка в виде хищной птицы, клюющей соболя. VI—VII вв.
Кудымкарский район, д. Ваш-Пальник, Пермский областной краеведческий музей, *н* 5,8.
б. Пронизка в виде хищной птицы, клюющей животное. VIII—IX вв.
Ильинский район, д. Антоновцы, Пермский областной краеведческий музей, *н* 5,8.

20

- а. Пронизка — фигурка животного. VI—VII вв.
Ильинский район, д. Опутята, Пермский областной краеведческий музей, *н* 3,5.
б. Пронизка с изображением хищной птицы, клюющей медведя. VII—VIII вв.
Гайнский район, д. Плес, Пермский областной краеведческий музей, *н* 5,4.

21

- а. Пронизка — фигурка животного — с точечным орнаментом. VI—VII вв.
Гайнский район, д. Плес, Пермский областной краеведческий музей, *н* 2,9.
б. Подвеска — фигурка пушного зверька. VII—VIII вв.
Чусовской район, с. Калино, Пермский областной краеведческий музей, *н* 1,6.

22

- а. Пронизка в виде фигурки соболя. VI—VII вв.
Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 2,6.
б. Бронзовое навершие в виде головы оленя. VII—VIII вв.
Пермский областной краеведческий музей, *н* 3,1.

23

- а. Изображение свернувшейся змеи. VIII—IX вв.
Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 5.
б. Фигурка крупного животного. VII—VIII вв.
Гайнский район, д. Федорово, Пермский областной краеведческий музей, *н* 3,5.

24

- а. Поясная ажурная бляшка с изображением оленя. VII—VIII вв.
Добрянский район, Больше-Висимский могильник, раскопки В. П. Денисова, Пермский областной краеведческий музей, *н* 2, 4.
- б. Подвеска — фигурка животного. I—III вв.
Пермский областной краеведческий музей, *н* 3, 3.
- в. Плоская фигурка лося. VII—VIII вв.
Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 4.

25

Бляха с изображением головы медведя, лежащей между лапами. II—III вв.
Пермский район, Гляденовское костыще, раскопки Н. Н. Новокрещенных, Государственный исторический музей, *н* 8.

26

Бляха с изображением медведя в жертвенной позе. IV—V вв.
Лысьвенский район, р. Кын, Пермский областной краеведческий музей, *н* 8, 3.

27

Бляха с изображением трех медвежьих голов. V—VII вв.
Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 9, 1.

28

Полая пронизка — фигурка медведя. VII—VIII вв.
Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 3, 8.

29

- а. Бляха с изображением трех медвежьих голов. VI—VII вв.
Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 5, 4.
- б. Поясная пряжка с изображением головы медведя. X в.
Юсьвинский район, Загарский могильник, раскопки Ф. А. Теплоухова, Пермский областной краеведческий музей, *н* 4, 5.
- в. Плоская фигурка идущего медведя. VII—VIII вв.
Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 2, 6.

30

- а. Шумящая подвеска с головой медведя. VIII—IX вв.
Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 5, 5.
- б. Поясная пряжка с головой медведя. X в.
Юсьвинский район, Загарский могильник, раскопки Ф. А. Теплоухова, Пермский областной краеведческий музей, *н* 4, 5.
- в. Ложка со стилизованным изображением головы медведя. VII—VIII вв.
Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 8, 2.

31

Три выпуклые бляхи с изображением головы медведя. III—V вв.

- а. Пермский район, Юго-Камское костыще, раскопки Ю. А. Полякова, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 3, 5.
- б. Пермский район, Гляденовское костыще, раскопки Н. Н. Новокрещенных, Пермский областной краеведческий музей, *н* 3, 5.
- в. Пермский район, Юго-Камское костыще, раскопки Ю. А. Полякова, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 1.

32

Поясная бляшка-накладка с изображением головы медведя. IX—X вв.
Пермский областной краеведческий музей, *н* 11, 5.

33

- а. Навершие кинжала с фигуркой медведя. V—VI вв.
Гайнский район, д. Харино, Пермский областной краеведческий музей, *н* 11, 5.
- б. Навершие кинжала с фигуркой животного. V—VI вв.
Чердынский краеведческий музей, *н* 11, 3.

34

Бляха с изображением шести медвежьих голов. VI—VII вв.
Пермский областной краеведческий музей, *н* 6, 5.

35

- а. Подвеска — фигурка лошади. VII—VI вв. до н. э.
Пермский район, Заюрчимское поселение, раскопки В. П. Денисова, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 3, 2.
- б. Бляшка — фигурка конька — с линейным орнаментом. VI—VII вв.
Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 4.

36

- а. Бляшка — фигурка конька. III—V вв.
Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 2, 4.
- б. Бляшка — сдвоенные фигурки коней — с точечным орнаментом. IV—V вв.
Ильинский район, д. Грудята, Пермский областной краеведческий музей, *н* 2, 4.

37

Коньковая шумящая подвеска. VI—VII вв.
Ильинский район, Деменковский могильник, раскопки В. Ф. Генинга, Пермский областной краеведческий музей, *н* 8.

38

- а. Коньковая шумящая подвеска. IX—X вв.
Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 7, 1.
- б. Подвеска в виде фигурки коня. IX—X вв.
Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 4, 7.

39

Полая пронизка — фигурка коня. XII—XIII вв.

Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 6.

40

а. Основа шумящей коньковой подвески. VIII—IX вв.

Кудымкарский район, д. Идогово, Пермский областной краеведческий музей, *н* 3,5.

б. Навершие кресала в виде двух конских голов. X в.

Юсьвинский район, д. Федоровщина, Пермский областной краеведческий музей, *н* 4.

41

а. Коньковая шумящая подвеска с человеческой личиной. XI в.

Гайнский район, д. Михалево, Пермский областной краеведческий музей, *н* 13,2.

б. Коньковая шумящая подвеска. IX—X вв.

Добрянский район, Баяновский могильник, раскопки В. А. Оборина, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 13,5.

42

а. Коньковая шумящая подвеска с привесками — гусиными лапками. IX в.

Кочевский район, д. Урья, Пермский областной краеведческий музей, *н* 9, 2.

б. Коньковая шумящая подвеска. X в.

Кудымкарский район, д. Мальцево, Пермский областной краеведческий музей, *н* 11, 5.

43

а. Навершие кресала со стилизованными головами двух коней. X в.

Гайнский район, д. Данилово, Пермский областной краеведческий музей, *н* 4, 3.

б. Навершие кресала в виде стилизованной фигуры коня. XI в.

Пермский областной краеведческий музей, *н* 2,9.

44

а. Бляшка-накладка поясного набора в виде фигурки коня. IV—V вв.

Пермский областной краеведческий музей, *н* 2, 4.

б. Бляшка в виде фигурки коня с большой головой. VII—VIII вв.

Кудымкарский район, р. Иньва, Пермский областной краеведческий музей, *н* 3.

45

а. Бляха с изображением ящериц вокруг человеческой личины. VIII—IX вв.

Чердынский район, с. Янидор, Чердынский краеведческий музей, *н* 7, 4.

б. Изображение двух ящеров друг над другом. VII—VIII вв.

Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 4, 7.

46

Ажурная бляха с изображением человекокопеев, стоящих на ящере. VII—VIII вв.

Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *н* 6, 7.

47

Ажурная бляха с изображением семи человекокопеев. VII—VIII вв.

Пермский областной краеведческий музей, *н* 5, 6.

48

Часть бляхи, изображающей борьбу лося с хищным животным. VII—VIII вв.
Чердынский район, с. Редикор, Чердынский краеведческий музей, *h* 5, 5.

49

Бляха с лосиными головами. VII—VIII вв.
Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *h* 4, 6.

50

Бляха с изображением борьбы животных. VII—VIII вв.
Пермский областной краеведческий музей, *h* 5.

51

- a. Бляха с изображением человеколося, стоящего на голове ящера. VI—VII вв.
Чердынский район, д. Амбор, Чердынский краеведческий музей, *h* 5, 4.
- б. Человеколось, стоящий на ящере. VII—VIII вв.
Чердынский район, д. Вилесово, Чердынский краеведческий музей, *h* 7.

52

- a. Человеколось. VI—VII вв.
Чердынский район, с. Редикор, Чердынский краеведческий музей, *h* 6, 3.
- б. Человеколось с орнаментированным поясом. VII—VIII вв.
Березниковский район, д. Плешково, Пермский областной краеведческий музей, *h* 7.

53

- a. Фигура женщины с ожерельем, в окружении человеколосей. VII—VIII вв.
Пермский областной краеведческий музей, *h* 7, 6.
- б. Человеколось, стоящий на ящере. VII—VIII вв.
Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *h* 7, 5.

54

Бляха с фигурой человеколося в окружении животных. VII—VIII вв.
Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *h* 11, 4.

55

Женская личина с изображением животного на лобной части лица. VIII—IX вв.
Чердынский краеведческий музей, *h* 7, 3.

56

Бляха с человеческой личиной в окружении стилизованных фигур лосей. VIII—IX вв.
Чердынский краеведческий музей, *h* 6, 1.

57

Ажурная бляха с изображением всадника в окружении животных, птиц и лосиных голов. V—VI вв.
Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *h* 6, 9.

58

Человеческая личина в окружении человеколосей. VII—VIII вв.
Чердынский район, д. Вилесово, Чердынский краеведческий музей, *h* 8, 2.

Женская фигура в окружении человекоколось. VIII—IX вв.
 Коллекция Зеликмана, кабинет археологии Пермского государственного университета, *h* 9, 2.

Человек в окружении человекоколось, стоящий на головах ящеров. VIII—IX вв.
 Чердынский район, д. Омелино, Чердынский краеведческий музей, *h* 9, 1.

- a. Две человеческие фигуры в позе экстаза. VIII—IX вв.
 Пермский областной краеведческий музей, *h* 7, 7.
 б. «Семейное счастье» — три человеческие фигуры в окружении человекоколось. VIII—IX вв.

- a. Божество плодородия в окружении человекоколось и колосьев. VIII—IX вв.
 Чердынский район, д. Омелино, Чердынский краеведческий музей, *h* 5, 5.
 б. Семейная пара с ребенком и колосьями в руках. VIII—IX вв.
 Чердынский район, д. Амбор, Чердынский краеведческий музей, *h* 6, 1.

Женское божество с птичьими крыльями в окружении человеческих фигур. VII—VIII вв.
 Чердынский район, пос. Курган, Чердынский краеведческий музей, *h* 16.

Женское божество с птичьими крыльями, стоящее на лошади. VII—VIII вв.
 Чердынский район, пос. Курган, Чердынский краеведческий музей, *h* 16, 9.

Две мужские фигуры, увенчанные головами хищных птиц. VIII—IX вв.
 Чердынский район, с. Кольчуг, Чердынский краеведческий музей, *h* 10, 3.

Женское божество, стоящее на двухголовом животном. VII—VIII вв.
 Чердынский район, д. Усть-Канб, Чердынский краеведческий музей, *h* 16, 3.

Женское божество, стоящее на двух лосях. VII—VIII вв.
 Чердынский район, д. Тимшер, Чердынский краеведческий музей, *h* 16, 2.

Трехголовое женское божество, стоящее на бобре. VIII—IX вв.
 Чердынский район, д. Усть-Канб, Чердынский краеведческий музей, *h* 16, 4.

Женское божество в окружении двух человеческих фигур. VI—VII вв.
 Чердынский район, д. Тимшер, Чердынский краеведческий музей, *h* 14, 5.

Женское божество в окружении лошадей и птиц, стоящее на ящере. VII—VIII вв.
 Чердынский район, пос. Курган, Чердынский краеведческий музей, *h* 16, 4.

Владимир Антонович Оборин

**ДРЕВНЕЕ
ИСКУССТВО
НАРОДОВ
ПРИКАМЬЯ**

**Оформление и макет М. Тарасовой
Перовые рисунки В. Аверкиева
Фотографии В. Денисова**

Редактор С. Гинц

Технический редактор Т. Дольская
Корректор Л. Крамаренко

Сдано в набор в 1968 г. Подписано в печать 28/V 1976 г. Формат бум. офс. № 1 70×84¹/₁₆. Печ. л. 12,0 (усл.-прив. л. 12,84), бум. л. 6,0; уч.-изд. л. 10,604. Тираж 15 000 экз. Цена 4 руб. 22 коп. ЛБ06095. Темплан 1976 г. Изд. № 62. Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. Карла Маркса, 30. Зак. 14847. Цветные формы изготовлены Московской печатной фабрикой Гознака. Набор текста и переплет выполнены Пермской книжной типографией № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. Отпечатано Пермской печатной фабрикой Гознака. 614600, г. Пермь, шоссе Космонавтов, 115.



В. А. Оборин

021 Древнее искусство народов Прикамья.
Пермь, Кн. изд-во, 1976.
190 с.

Книга посвящена металлической скульптуре
древнего Прикамья.

0 80102—29
М 152(03)—76 60—76

7С1



ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1976

